

ЛАРЦОВЫЙ УТЁС

МАСКА АЛХИМИКА

РОМАН ВОЛЬНОВ

Эпическое фэнтези

Роман Вольнов

Ларцовый Утес. Маска Алхимика

«Автор»

2026

Вольнов Р.

Ларцовый Утес. Маска Алхимика / Р. Вольнов — «Автор», 2026

Вторая часть книги дилогии Ларцовый Утес, погружает читателя в атмосферу магического фэнтези, где реальность переплетается с волшебством, а каждый персонаж скрывает свои тайны. События второй части добавляют ряд загадок, ответы на них будут раскрываться неожиданным образом, формируя постоянную интригу сюжета, развивая как главного героя, так и его окружение

© Вольнов Р., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Дуэль алхимиков.	5
Глава 2. Встреча с неизбежностью	16
Глава 3. Два портрета одного человека	26

Роман Вольнов

Ларцовый Утес. Маска Алхимика

Глава 1. Дуэль алхимиков.

Первый день на новом месте всегда запоминается волнением. Большинство так или иначе ловят себя на тревожных мыслях: одни – о соответствии внешнего вида, другие погружаются в размышления о своем месте в иерархии сложившегося общества, где, как многим может показаться, они очутились не случайно. Иные же, напротив, придерживаются идеи оставаться менее заметными, но все так или иначе задумываются над тем, как произвести максимально наилучшее впечатление, не сплеховать перед трудностями, а главное – не ударить в грязь лицом. Так устроено мышление каждого из нас, и в стрессовых ситуациях подобный подход заметнее всего.

Отведенная под занятия аудитория была сравнительно небольшого размера и ученических парт как таковых не имела. Вместо них стояли высокие столы с массивными ножками и резными лакированными элементами. Мебель со следами потертостей на углах и первыми признаками выцветания хорошо вписывалась в охваченную сонным забвением обстановку.

За большими столами обычно помещалось от двух до четырех человек, между каждым рядом столов был предусмотрен проход, где легко мог пройти один ученик, если ему не мешают на пути другие. Всего из ученических «парт» было составлено три ряда, вмещавших в себя по четыре стола, расположенных в шахматном порядке, с приготовленными на каждом из них атрибутами: маленьким котлом, горелкой, каменной ступкой и пустыми флаконами, отражавшими в гладких гранях силуэты детворы; растягивая их снизу вверх, стекляшки продолжали стоять недвижимо, рядом с другими пузырьками и баночками, до краев заполненными сушеным сырьем.

Стульев и кресел за «партами» не было, вместо них по обе стороны каждого круглого стола располагались радиусные лавки, опиравшиеся на деревянные ножки с неуклюжей, раздвоенной подошвой. Соответствуя насыщенному цвету венге, полукруглые лавки, покрытые темным лаком, лоснились от лучей солнечного света, падавших на мебель из высоких окон.

Вытянутые и узкие оконца находились по левую руку от входящих в аудиторию детей. Каменные простенки, где чаще всего густел полумрак, чередовались с залитыми светом остекленными бойницами, повторяя вечную игру света и тени в их резких переходах друг к другу.

За стенами школы, среди холмистой луговины, спускавшейся вниз к лесным уголкам, блуждали последние неприкаянные мысли о свободе, взмывавшей одинокой птицей в бескрайнюю высь и теряющейся среди бежево-алых облаков, бегущих прочь, за горизонт чужих мечтаний.

Где-то там притаились мелкие деревушки, с трудом различимые в запыленных стеклах, чья гладкая поверхность белела от протяженных следов, оставленных высохшими каплями дождя. Старинные окна, несмотря на неухоженность, дышали историей и ничуть не уступали местной мебели: такие же строгие и аккуратные, выполненные руками талантливых мастеров, они дополняли общее убранство, не споря с основной стилистикой, подчеркивая всю важность образования, идущего об руку с концентрацией и усидчивостью.

Верхушки оконных рам сужались, образуя полукруг, а стекло, разделенное пополам, наверху переходило из мелкой сетки витража в форме ромбических воздушных змеев к криволинейным, мозаичным элементам. Темные витражи чернели под самым сводом зала; утратившие легкомысленную яркость, они едва пропускали через себя дневной свет, в отличие

от прозрачных стекол, расположенных пониже витражных картин, чья блестящая поверхность наполнялась солнечной теплотой, даря лучезарные потоки «царству дремоты».

Осматриваясь по сторонам, взор невольно цепляется за стены. Их замковая суровость была укрыта ровными слоями штукатурки, небрежно выкрашенной в белый цвет, посеревшей от смога варочных котлов. Высокие потолки в учебной аудитории, достигавшие свыше четырех метров в высоту, утопали в полумраке с выныривавшими из него книжными шкафами, находившимися прямо за спинами учеников. Последним приходилось пользоваться шаткой передвижной лестницей, двигавшейся вдоль пары металлических рельс: нижней – у самого основания и верхней направляющей, идущей вдоль одинаковых шкафов. Дрожащая под ногами лестница по мере подъема добавляла острых ощущений. Шаткие ступени натужно скрипели под ученическими башмаками, предательски прогибаясь и рискуя обвалиться вниз, наказывая за неосторожные попытки достать увесистый томик алхимических исследований общей толщиной в тысячу страниц, составленного каким-нибудь Базарием Злотачинным или Лохардием Ливергосом, способным «прибить» ученика не только ударом по голове во время падения с лестницы, но и унылостью теоретической писанины.

Кабинет алхимии сложно было назвать большим: заставленный громоздкой мебелью, даже при компактном расположении столов он воспринимался тесной комнатой, лишенной роскоши свободного пространства. Вдоль зала звучал глухой стук, издаваемый обувью входящих в аудиторию учеников; он звучал всё отчетливее и торопливее, пробегая вдоль половиц паркетной доски, выложенной елочной укладкой, от самого входа в аудиторию и до профессорской трибуны, выглядевшей в разы больше и длиннее ученических столов.

За этой громадиной виднелась наполовину скрытая кафедрой доска, вся усеянная белыми «шрамами» и несмываемыми «порезами», с проглядывающими через черное покрытие вздыбившимися от сырости деревянными разрывами и сколами, но, несмотря на все изъяны, она была вполне пригодна для письма учительским мелом. Даже более того! Она была пригодна для натирания мылом! По старой памяти от юношеских забав и розыгрышей над терпеливыми наставниками.

По длине доска была примерно как учительский стол, расположенный в пяти шагах от нее, превосходя его лишь по высоте. Внизу, у подножия меловой доски, тянулась темная вагонка; ею были обшиты все стены: она поднималась от пола и заканчивалась на высоте в полметра. Отводя взоры от стен, ученический взгляд стремился ввысь, к темным сводам кабинета, где под самым потолком красовался классический и широкий по своему размеру деревянный плинтус; он, как три дорожки, переплетался в трилистники, замыкаясь над дверной коробкой кабинета и оконными рамами, увенчивая их своим узором.

Старинный интерьер довершали люстры, выкованные из меди; на их матовой поверхности проглядывался слабый, расплывчатый блеск, а цепи крепления, будучи подвешенными к потолку, держали люстры недвижимыми, точно колонны древнего античного храма, давно канувшего в Лету. Для всех люстр использовали восковые свечи, их частенько меняли, и, видно, за чистотой светильников смотрели куда внимательнее, чем за опрятностью потолка.

Круглые обширные кольца люстр, свисавшие над головой двумя парами, напоминали собой расплющенные обручи или колесо телеги без спиц. От каждого такого «колеса» в центр крепились еще четыре цепочки, их увязывали друг с другом чередой колец, нанизанных через петли на металлические крючки медного шара, подобного навершию булавы и крепко-накрепко прикрученного к потолку.

Затрагивая причудливые диковинки волшебного мира, вносившие скромную лепту разнообразия, все они были собраны по правую и левую сторону от трибуны наставника, находясь в двух выставочных витринах, за створками узких шкафчиков, чьи вычурные дверки с детализированными элементами дразнили детские взгляды резными, пузатыми котлами и возвышающейся над ними багровевшей четверкой заглавных букв.

В первом шкафу было сделано множество полок, они шли до деревянной вагонки, плотно прикрытые стеклянными створками, чья поверхность позволяла различить десятки редчайших книг в твердом переплете и сотни разных безделушек: тут вам и конский рог, тут вам и чучело жабы, и высушенная лесная бабочка, и заспиртованная змеиная голова, помещенная в стеклянную банку с мутной жижей, и многое, многое другое! Коллекция разного толку, из сырья, пригодного не только для алхимии.

Во втором шкафу, расположенном с противоположной стороны, экспозиция была интереснее. В ней была сферическая колба, большая и безвоздушная, на первый взгляд довольно увесистая; будучи шарообразной, она накрывала собой, как стеклянной крышкой, тонкое медное блюдо с ветхой бумажной наклейкой, пестревшей размашистым курсивом: «сердце морской гидры в миниатюре». При этом сердце выглядело как настоящее, разве что не билось и кровь из него не капала; оно словно было помещено в некое подобие постоянно действующего на него давления, исходившего от стеклянной поверхности и сфокусированного в центре сферического вакуума. Находясь в стерильном пространстве, сердце не подвергалось разложению, поддерживаемое низкой температурой, но не настолько, чтобы стекло покрывалось внутренней изморозью.

Другие полки были заставлены множеством мелких и больших пузырьков с экстрактами, настойками, отварами; иные из них заплесневели, другие же, напротив, были новыми и, не в пример остальным, даже не распечатанными. Рядом располагались всевозможные масла, кремы, мази, вытяжки на основе спирта, полученные из лекарственных растений и трав. На боковых стенках шкафов, подвешенными на гвоздиках, свисали несколько хрупких гербариев, запечатанных в стеклянные колбы, где виднелись множество стеблей и лепестков высушенных растений, заботливо выложенных на тиснёных золотой нитью бархатных подушечках, словно говоривших всем своим видом: «Перед вами редкий экземпляр, заслуживающий отдельного внимания».

С правой стороны, вдоль глухой стены, где не было ни дверей, ни окон, на прищипанных учеников взирали черно-белые портреты, выполненные в графической подаче. Они не двигались, как картины именитых художников-живописцев, но выглядели весьма недурно; будучи в тонких рамах, эти развешенные вразнобой умные лица неизвестных представителей Анклава, Ларцового Утеса, Магистрата будто бы переглядывались между собой и в то же время встречали учеников: кто нахально высунув язык, а другой, напротив, с сердитым и серьезным видом; иные же веселого молодецкого нрава глядели легко и непринужденно, словно обращали свои взоры в далекие дали, белевшие за окном в солнечном покое.

Аудитория была вполне себе привычной, в духе своего времени и места. Пока учителя еще не было в классе, кто-то из опоздавших детей спешил скорее войти в кабинет; одни шли быстрее, другие медлили. Часть вошедших учеников занимали пустовавшие места, весело разговаривая между собой с теми, кто пришел раньше остальных; другие сонно вращали глазами, изредка поворачивая головы в разные стороны, а некоторые и вовсе потерянно оглядывались назад, желая выбежать отсюда прочь, бросившись сломя голову куда угодно, лишь бы без оглядки, желая одного: вырваться на волю и насладиться вдоволь считанными днями уходящего лета.

Замешкавшийся мальчишка, стоявший в дверях, с грустью отметил отсутствие хорошей лаборатории. Озадаченный видом маленьких котлов, Ступкин недовольно поморщился; он мог так стоять и дальше, если бы за его спиной не прозвучало чужое недовольство.

— Так и будешь стоять столбом у самого порога?! — возмущенным тоном вымолвила незнакомая девчонка.

Мальчишка быстро опомнился. — Проходите, — пробурчал он, пропуская вперед торопливую одноклассницу. Перед Севой была худенькая, но вместе с тем интересная молодая особа; ее локоны были темно-русыми и прямыми, она не носила косы, а предпочитала прическу в

виде заплетенного на затылке длинного хвостика. На глаза незнакомки иногда спадала прядь волос, которую она частенько прятала плавными движениями, прибирая непослушные локоны за свое правое ушко.

Девичье личико было аккуратным, даже миловидным, но в то же время очень юным и далеким от расцвета взрослой красоты; ее губы пересохли, она сжимала их, изредка покусывая от легкого волнения. Присматриваясь к ее общим чертам лица, маленькому носику и дугообразным тонким бровям, Всеварий мысленно отметил:

— Торопливая незнакомка не хлопала ресницами понапрасну, она смотрела с некой преждевременной оценкой, присущей девочкам, выросшим в обеспеченной семье; ее прохладный взгляд с зачатками превосходства, мимолетный, но ощутимый, — в этих серо-зеленых глазах жила загадочная мечта, тщательно сокрытая от окружающего мира за вольготной претенциозностью и отталкивающей надменностью.

Девчушка была новенькой, даже в этом недавно сформированном классе. Она не успела с кем-либо познакомиться, а тем более подружиться. Пропустив вчерашнюю встречу наставников и учеников, у нее, вероятно, нашлись дела поважнее. Сжимая в обнимку увесистую книгу, незнакомка шла вперед шаг за шагом, ее уверенность росла соразмерно собственным амбициям; не оглядываясь назад, ученица подошла к первому ряду и заняла понравившееся место.

— Погляди, какая бойкая! — обратил внимание Фома, остановившийся близ Всевария, и, переглянувшись с ним, он весело подмигнул последнему.

— Очередная всезнайка! — тихо предположил Баринс. Повернувшись к соседнему столу лицом, мальчуган добавил: — Таких во все времена хватает с избытком! Вот увидите! — продолжил он, едва переглянувшись с Агарием и Сэндором. — Она будет тянуть руку по любому поводу!

Ухмыляясь сказанному, долговязый Фома квели покачал головой, а улыбка на его губах растянулась еще шире.

— Ставлю связку бубликов и самовар чая в придачу, новенькая сегодня отличится! — Баринс Стамлад, подогревая общий интерес к появлению загадочной незнакомки, и не думал прерывать разгар событий, даже когда соседняя группа, будучи знакомой друг с другом, заняла попарно последние ряды.

Сева и Владвек ушли в самый край, впереди них заняла место другая пара: Фома Заройкин «Огурец» и Баринс Стамлад «Барин»; чуть правее от них расположились еще двое: недотепа и скромник Агарий Крайников «Крайний», робко меркнувший на фоне нарцисса Сэндора Лангорье, любителя покрасоваться на людях.

Последний стол остался без пары, за ним расположилась неприметная девочка, уставившаяся в книгу то ли от излишнего волнения, а может, из-за собственного нежелания привлекать к себе внимание. Она временами отрывала свой умный взгляд от сжимаемого в руках учебника, чтобы чуть позже снова уставиться в него, штудирова про себя первый параграф; ей не было дела до одноклассников, казавшихся ей чужими и предсказуемыми. Девочка-брюнетка, предположительно на год-полтора старше всех присутствующих, была не расположена к дружеским беседам; находясь совершенно одна за своим столом, она отгораживалась незримой преградой из «крепостных стен», возводя их с характерным усердием.

Впереди тоже были разные группы: где-то мальчики подсаживались к девочкам, а где-то девчата шумными парами собирались в одном ряду, отчего вышло так, что первый ряд был преимущественно из девчонок, второй в подавляющем большинстве стал мальчишечьим, а третий, будучи не так густо заполненный, собрал всех оставшихся.

— Смотри, Стамлад! Проиграешь нам самовар чая с ватрушками! — горделиво заявил нарцисс Лангорье, поправляя высокий воротник своей рубашки, после чего с усмешкой оглядел пухлощекого, разгоряченного спором говоруна.

— Мы еще поглядим, чья правда возьмет! — отозвался неугомонный Баринс и нехотя добавил: — Чай не с ватрушками, а с калачами! — специально поправив Сэндора, он посмотрел на него с характерным прищуром недоверия и спешно перевел взгляд с Лангорье на раскрывшуюся за его спиной входную дверь. Заприметив вошедшего человека, лицо Барина мигом обрело сосредоточенный вид, он резко умолк, кивнув приятелям о приближении наставника.

— Наш преподаватель алхимии? — переспросил шепотом Фома, любопытно оглядывавший учителя.

— Стильный перц! — пробубнил щеголеватый Лангорье с искренним признанием в голосе и, покрывив губами, внимательно осматривал чужой наряд, безошибочно угадывая ткань, покрой и руку портного мастера.

Наставник алхимии выглядел довольно эксцентрично. Для начала, чтобы у читателя сформировался правильный образ, мне следует отметить немаловажный факт, касающийся непосредственно вышеупомянутой персоны! Наш учитель был до ужасной степени рассеянным, особенно невнимательным в отношении времени! Пренебрегая часами, когда нужно было ложиться спать или вставать, к его рассеянности легко добавлялась непунктуальность, но в одном он был мастер — а именно в алхимии. К ней наставник относился настолько серьезно, насколько ученый, любящий свое дело, готов жертвовать всем ради любимого ремесла, и касалось это не только свободного времени, личной жизни и собственного здоровья, при этом не в угоду великим свершениям либо новым открытиям, а потому что всего-навсего этот человек жил любимым делом.

Будучи невысокого роста, преподаватель был худощавого телосложения, много и часто сутулился, даже горбился, порой не замечая за собой вредной для него привычки; он словно нес на собственных плечах пудовые парные гири. Вместе с тем этот мужчина был довольно суетлив, иногда даже слишком тороплив, как сейчас; наверное, в силу постоянного запаздывания куда-либо он давно перестал замечать за собой излишнюю подвижность.

Касаясь его внешности, следует, пожалуй, начать с лица. Лицо наставника было вытянутым, с острым подбородком, выступающими вперед скулами и, в силу присущей худобы, впалыми щеками, настолько, что проглядывались легкие ямки, среди которых тянулся необычайно длинный рот с тонкими губами и нависшим над ними большим носом, легко удерживающим на переносице очки без дужек, упиравшиеся в массивный кончик, терявшийся на фоне широких ноздрей, постоянно сопевших и шмыгавших.

Глаза учителя смотрели вперед через прозрачные линзы, обрамленные золотыми ободками; в этих взорах читалось легкое волнение. Зал был заполнен новыми учениками, и наставнику предстояло со всеми познакомиться, проведя вводный урок алхимии.

Говоря кратко об остальных особенностях его внешности, сильнее всего в глаза бросались оттопыренные уши преподавателя — на фоне его редких серых волос, темневших у самых корней и торчавших из ученой головы, как иголки из подушечки для шитья, несмотря на возрастные залысины, проступившие выше лба.

Глаза наставника, взиравшие на окружающее его пространство, отразили легкую усталость и рассеянность; под его нижними веками давно темнели мешки — последствия долгих ночей без сна. Изрытый бороздами от морщинок высокий лоб учителя, вероятно, часто хмурился в поиске верных решений, пытаясь собрать воедино очередную формулу.

Цвет глаз с последнего ряда разглядеть было трудно, да и не хотелось особо. Куда больше внимания привлекал наряд преподавателя, ведь он носил довольно длинные и узкие сверху, затем расширяющиеся книзу штаны нехарактерного для его возраста припыленного фиолетового оттенка; видно, они были его любимыми, а может, и единственными брюками, так как местами они уже были заношенными, благо штанины не были в дырках. Помимо брюк, наставник был одет в одноцветную светлую рубашку и, вероятно, носил свои штаны не на ремне, а

на подтяжках, полагая, что так он выглядит солиднее, а может, ему просто надоело сверлить в ремне сто первую дырку для очередного затягивания метафорического пояса вокруг личных нужд и потребностей.

Поверх рубашки на плечах наставника красовался длинный пиджак некогда оливкового оттенка, сшитый из велюровой ткани, такой же припыленный, как учительские брюки, на которые ниспадал задний край пиджака; будучи длинным со спины, он издали походил на короткое подобие зеленого плаща, спускающегося на учительские бедра, сродни пологу мантии, игнорируемой алхимиком. На этом пиджаке не хватало одной пуговицы, а другая вот-вот готова была повиснуть на одной ниточке, но всё это, как было уже ранее замечено, не слишком волновало научного деятеля; он словно жил в своем собственном мире – мире склянок, мензурок, перегонных кубов, добавляя к этому преподавание основ алхимии для учеников начальной ступени младшего образования.

О руках алхимика стоит упомянуть подробнее. Он не был плечистым красавцем, наоборот, в его теле сохранялась некая дисгармония; заметнее всего были его тонкие, точно две жерди, руки с длинными и цепкими пальцами, запросто выбиравшими нужные флаконы, смешивая их в верной пропорции с другими составляющими. Казалось, его руки давно учли все нюансы и, соблюдая строгую рецептуру, действовали механическим образом, а ему, как усталому и задумчивому стороннему наблюдателю, оставалось лишь изредка поглядывать на прилепленный к фиалу номер с числовой или сокращенной пометкой из пары-тройки букв.

— Добрый день, ученики и ученицы! — зазвучал голос наставника, его пальцы сами сложились в некое подобие пирамидки и, прильнув друг к другу, смотрели характерным углом в сторону аудитории. Громкий и хорошо поставленный голос учителя особых претензий ни у кого не вызывал; четкая дикция, а вместе с ней безукоризненное знание собственного предмета выручало его в очередной раз. Учительская речь чем-то походила на голоса артистов-повествователей, какие обычно за кадром озвучивают последовательные события, увлеченные происходящим и заинтересованные в продолжении сюжета.

— Мое имя Аганэй Котлогрев! Я буду обучать вас на протяжении всего учебного года базовым основам алхимии! Предмет, всегда разделяющий учеников на две группы! — Аганэй, посмотрев себе под ноги, неспешно вышел из-за своей кафедры и, подойдя к первому ряду, где были девочки, наставник, смотря в детские лица, продолжал говорить: — Одних, кто будут яро презирать и ненавидеть его, и других, кто свяжут с алхимией всю свою жизнь! Алхимия не терпит полумер! Она предоставит вам выбор... надеюсь, каждый из вас сделает для себя верные выводы.

Тихо хлопнув в ладоши, наставник спешно добавил, уходя дальше от первых рядов в направлении к приготовленной для него лаборатории:

— Какие тайны изучает алхимия? Кто мне скажет? — обернувшись к детям лицом, Аганэй Котлогрев обратил пытливый взор к молчаливой аудитории.

В классе стояла гробовая тишина, никто пока не тянул руку, большинство переглядывались между собой, кто-то делал вид, что ищет определение в учебнике, создавая обманчивое ощущение кипучей деятельности. Улыбнувшись в ответ на происходящее кончиками тонких губ, наставник снисходительно оглядел аудиторию еще раз, решив приободрить присутствующих в кабинете.

— Смелее, дети! Мне известно предназначение алхимии, но вы же пришли сюда не для того, чтобы я отвечал вместо вас на заданные вопросы! — весело заметил наставник. — Может быть, вы ответите? — выбрав девочку из зала, ей оказалась та самая «всезнайка» с темнорусыми локонами, учитель терпеливо ожидал ее ответа.

Поднявшись из-за стола, ученица оживленно принялась рассказывать одно из официальных определений:

— Алхимия – наука, включающая в себя такие разделы, как травничество, делящееся на подгруппы: лекарственные и... — девочка могла бы и продолжать, но учитель прервал ее, и на миг его усталые глаза скрылись под нависшими веками; вскоре они снова открылись, и наставник добродушно объявил:

— Понимаю, вы хорошо знакомы с учебником Магистрата! Вероятно, даже читали некоторые труды просвещенных умов современности, но я хочу услышать ваш собственный ответ. Как вас по имени?

— Мира... Миранда Роу... — преодолев легкую нерешительность, представилась полным именем новенькая.

Кивнув ученице, наставник повторно обратился к ней с прежним вопрошанием, акцентируя его более адресно и точно:

— Хорошо, Миранда, какое бы вы дали определение алхимии?

Растерявшись от неожиданности, новенькая мешкала; по виду ее лица было заметно, как она перебирала в уме все возможные сравнения, пока не собрала их воедино. Опираясь на личные суждения, она наконец-то выдала ответ:

— Для меня алхимия соразмерна постоянному риску, основанному на смешении иногда несочетаемых реагентов для получения опытным путем желанного результата, способного послужить одинаковым образом как во благо, так и во вред обществу... — осмыслив сделанные выводы, девочка, быстро всё взвесив, уверенно добавила: — Хотя время первооткрывателей давно миновало, сделать новое открытие в алхимии представляется мне как нечто маловероятное!

Внимательно выслушав ученицу, наставник, похоже, был доволен ее ответом.

— Вот! Именно этим мы и будем с вами заниматься на уроках алхимии! Присаживайся, Мира...

— Вы будете пробовать сделать что-то свое, а что-то по указке, но... каждое ваше решение – оно станет для вас самих открытием. Алхимия довольно категорична в своих принципах, поэтому любая ваша неточность может вызвать бурю в стакане... или взрыв в котле!

— Во избежание травм мы для начала будем упражняться по чужим опытам, а далее уже как повезет... главное же для меня как для учителя, чтобы для вас урок алхимии не стал обыденным заучиванием скудного параграфа; наши уроки должны привести всех вас к личной импровизации!

— Вместе мы добьемся от каждого из вас приемлемого умения заменять отсутствующие под рукой реагенты смесью других, прибегая к собственной логике и находчивому уму! Поэтому занятия будут разительно отличаться от книжных пособий!

— Итак! Алхимия! — подойдя к доске, учитель, взяв мел в руку, написал на ней три буквы... С.С.В.У. — Сажай! Собирай! Вари! Употребляй! — пошутил Аганэй, между делом расшифровав аббревиатуру. Дети приободрились, заслышался тихий смех, доносившийся с последних рядов.

— Но данное правило не про нас! Первое правило алхимии – ему вас не научат в книжке! Гласит оно следующим образом: «Если ты сварил зелье, не проверяй первый результат на себе!» Вы же не обладаете врожденным иммунитетом к токсинам смертельных ядов, как драконы, в силу их особенной крови, и не наделены регенерацией, как оборотни, легко переносящие любые эффекты зелий при условии отсутствия в них частиц серебра... Впрочем, суть первого правила должна быть сразу учтена вами: если вы приготовили лекарство, отвар, настойку, вытяжку или другую какую микстуру, обязательно проверьте ее на том, кого не жалко!

— Наставник! А если проверять на оборотне?! — выкрикнул из зала Фома.

— Да хоть на волчьей бабушке, молодой человек! Лишь бы она после опытов вас не сцапала!

Среди рядов прокатился легкий и непринужденный смех. Долговязый Фома по прозвищу Огурец тоже улыбнулся.

— Оборотни сами по себе – интересный материал для испытаний. Их организм не только устойчив к влиянию отравляющих веществ из разных смесей трав и химических реагентов, но иногда выдает неожиданный результат. К примеру, то, что может легко погубить нас с вами, для волколака восстановит его силы быстрее, чем вы успеете моргнуть глазом, и вдобавок к тому может усилить звериную регенерацию...

— Мне попадались случаи, когда подобные существа, будучи серьезно изувеченными и едва живыми, получали порцию особого экстракта, разительно усиливающего скорость восстановления здоровья тяжелораненой особи. Для регенерации потребовалось меньше тридцати минут, и запертая в клетке бестия восстанавливалась до боеспособного состояния!

— А как оборотень мог всё время содержаться в клетке и не пытаться выбраться из нее? — раздался любознательный вопрос из зала.

— Мы использовали разряды тока и двойную клеть – отличный способ помешать волколаку выбраться на свободу! — наставник спокойным тоном продолжал лекцию. — Двойная клеть может сужаться до размеров первой клетки, формируя вокруг оборотня череду из стальных и серебряных прутьев решетки, поэтому зверь быстро смиряется и перестает рваться на волю. Разумеется, Барьерная клеть применяется, если не помогают разряды тока и особь ведет себя слишком агрессивно! Но что-то я отвлекся на оборотней и связанные с ними исследования, а наша цель сейчас другая!

— Сегодня вы пройдете первый урок по приготовлению двух видов настоев: первый будет срабатывать как отпугивающий, второй – как заманивающий!

— Опыты будем проводить на черных пауках... но я настоятельно рекомендую: не капайте паукам на спину эти настои!

— А почему, профессор?!

— Расскажу! Годом ранее один из детей возомнил себя самым умным и подменил часть ингредиентов. Он как раз занимал то самое место, где сейчас находитесь вы, молодой человек!

— Я... — легкое беспокойство в голосе сидевшего впереди одноклассника вывело Севария из раздумий и заставило внимательно навести уши.

— Да-да, именно вы! Ученик, о котором я начал говорить ранее, наслушался от старшекурсников сомнительной рецептуры и думал всех повеселить... но вместо радостного результата чуть не разнес аудиторию! Он капнул приготовленный настой на переднюю лапку паука и не рассчитал дозировку, вылив с испугу еще несколько капель на паучью спинку! Паук начал быстро увеличиваться в размерах, быстрее всего росла его лапа! Она пробила собой аквариум, рассыпав настил из опилок! А после и сам паук превысил размеры овчарки и попытался бежать, прыгнув на книжный шкаф, находящийся за вашими спинами!

— Дайте угадаю, наставник: кто-то убил чудовищного паука волшебным тапком?! — отшутился Фома.

— Вы, как всегда, излишне остроумны... — холодно отреагировал Аганэй, обращаясь к долговязому. — Тапком здесь и не пахло!

— Его заколдовали? А после изловили? — интерес Баринса подталкивал его к череде новых расспросов, но преподаватель, проигнорировав их, быстро сменил тему и, возвращаясь к технике безопасности, наставительным тоном повторил:

— Предупреждаю всех вас: чрезмерное любопытство очень часто приводит к дурным последствиям! Сначала мы освоим первые азы, благодаря им вы научитесь отпугивать и завлекать насекомых, пресмыкающихся, рептилий, хищные растения и прочих. На всё про всё у нас четыре урока по базовым знаниям, а далее я буду оценивать ваши умения и способности, особенно у всех желающих поступить и обучаться на факультете Разрушительной Мысли.

— Приступим! Из чего мы делаем настой для отпугивания и привлечения пауков?.. Правильно... мы будем использовать железы природных врагов пауков, а для привлечения – специальный секрет, полученный из желез самки Пагубной Вдовы. Это особый вид пауков, надеюсь, не нужно разъяснять, что самка Черной Вдовы привлекает пауков-самцов любых видов, распыскивая рядом со своим ареалом обитания особый фермент, секрецию, которая служит приманкой.

— Мы будем получать эту секрецию опытным путем, смешивая ряд элементов.

— Теперь же, что касается отпугивания! Мы также сработаем на иллюзии страха. Вы сами выбирайте, какое отпугивающее средство вам создать, будь то запах Кровохлебки с туманных болот Ветроломья или Лесного Падалыщика с окраин дремучего Чернолесья! Также для тех, кто хочет задачу потруднее, у меня есть особое поручение: вы можете попробовать приготовить отпугивающее средство, основанное на вытяжке из ядовитой железы рептилии!

— А как определить их различия?

— Первое – по цвету. Кровохлебка – темно-бордовый, Падалыщик – иссиня-черный, рептилия – болотный, оливковый, изумрудный. Далее – по консистенции. Если вы всё сделаете правильно, Кровохлебка – водянистый, Падалыщик – консистенция среднего по густоте киселя, рептилия – кашеобразный, поэтому в случае с рептилией применяется чайная ложечка сырья.

Когда дети прослушали вводную лекцию, они приступили к делу. Наставник ходил рядом, иногда делая пометки наблюдений в личном блокноте.

Взяв инициативу в свои руки, Всеварий неторопливо готовил нужное варево. Владвек между тем не вмешивался, он только поглядывал, и если Ступкину требовалась помощь, подавал ему необходимые флаконы, заполненные разным содержимым.

— Хорошо, теперь подай мне вон ту склянку...

— Какую? — уточнял Владвек; в его растерянных глазах все флаконы, стоявшие на столе, были одинаковыми и различались разве что по цвету.

— Во-о-он ту! С красной крышкой! — ответил увлеченно Всеварий.

Взяв в руку нужный фиал, Владвек, посмотрев на Севу, слегка замешкался.

— Да, именно! Он мне и нужен! — подтвердил приятель, затем, перехватив склянку из чужих рук, добавил в кипящий котел нужное количество измельченного до кристального порошка красноватого сусла.

Первое зелье «Суть Кровохлебки» было сварено.

Взяв в руки пипетку, мальчишка аккуратно впитал ею небольшую порцию, а потом капнул жидкость рядом с пауком, отчего тот мгновенно отбежал в другую сторону своего стеклянного мини-вольера. Кровохлебка, появившаяся в аквариуме, издала шипящий звук, после чего обратилась в красноватую дымку, истаяв на глазах, словно ее и не было.

— Великолепно! — похвально высказался наставник, внимательно наблюдавший за действиями Ступкина.

Это вызвало легкую тень недовольства, отразившуюся на лице Миранды. Будучи следующей в очереди, она, близко подойдя к большому аквариуму, стоявшему на учительском столе, капнула в него каплю «Сути Падалыщика». Едва зелье коснулось поверхности опилок, оно стало испаряться, превращаясь в черную мокрицу, издавшую мерзкий писк и вскоре испарившуюся в клубах сизой дымки, предварительно загнав паучка в самый дальний угол.

Девчонки дружно ликовали: первый день – и такой успех! Ведь большинство мальчишек во втором ряду выбрали первое испытание, и они готовили «Суть Кровохлебки», а она была в разы проще «Сути Падалыщика».

— Соперничество?! — обмолвился Севарий, разминая цепкие пальцы, пока другие дети показывали скромные успехи, столпившись за учительским столом и продолжая пугать подопытного паука.

Ступкин, остановившись за третьим рядом у крайнего, никем не занятого котла, стал смешивать по памяти все нужные ингредиенты. В итоге, с первого раза добившись идеального результата, мальчишка разлил в стеклянную мензурку немного кашеобразной зеленой жижи и с громкими выкриками поспешил вернуться к учительской кафедре: — Дайте дорогу! — на ходу заткнув мензурку пробкой, Севарий протиснулся в первый ряд, расталкивая столпившихся вокруг одноклассников.

— Можно поаккуратнее! — укоризненно воскликнул противный голос одной из одноклассниц. — Сейчас была наша очередь! — выпалила ее подруга.

Обернувшись к ним и обдав девчонок холодным взглядом, с уст Севария слетела пара емких фраз:

— Не сахарные, не развалитесь!

В ответ на сказанное девичьи щеки зарделись румянцем обиды; одна еще хотела высказаться на сей счет, но, насупившись, покачала головой.

Внимательно поглядев на паука через прозрачные стенки аквариума, Севарий поднял взгляд и встретился им с негласной соперницей Мирандой Роу. Пролетевшие искры сменились взаимным прищуром; устав от игры в гляделки, Ступкин приосанился, выпрямился в полный рост и, будучи над стеклянным загонем для паука, держа в руке чайную ложку, отмерил в нее положенную дозировку и лихо вылил сырье вниз. Едва приземлившись на опилки, клокочущее зелье надулось в шар, обретая форму, похожую на игуану; крупная ящерица сходу попыталась подбежать к обезумевшему от страха пауку, начавшему зарываться в опилки, лишь бы его не заметили.

Истаяв в опасной близости от подопытного, игуана мигом развеялась, оставив после себя лишь воспоминание.

Наставник несколько раз хлопнул в ладоши и небрежно поправил сползавшие по широкой переносице очки, довольный результатом негласного поединка алхимиков.

Раздосадованная Мира еще хотела высказаться на сей счет, но, быстро отойдя в сторону, направилась напрямик к другому свободному котлу, став смешивать за ним перечень ингредиентов, изредка поднимая взгляд к столпившимся вокруг кафедры одноклассникам, громко обсуждающим мастерство Всевария, обращавшего куда большее внимание на действия соперницы, чем на окружающие восторги и похвалу.

Завершив опыт, Миранда, подойдя к уже известному всем аквариуму, где дрожал бедный паучок, капнула ложку слегка светящейся темно-зеленой жижи, из которой, к общему удивлению, стала преобразовываться похожая на первую игуана, но другой расцветки. Ее продолжительность жизни оказалась чуть короче первой, не в пример прыткой резвости, но опыт подтвердил: умения Мира не уступали навыкам Ступкина.

Дети были в восторге: одни хвалили Миранду, спокойно принимавшую поздравления и отвечавшую учтивой благодарностью, другие поддерживали Всевария, не сводившего взгляда с соперницы и сдержанно благодарившего одноклассников за лестные отзывы.

— Как ваше имя? — осведомился учитель.

— Всеварий! Его зовут Всеварий Ступкин! — громогласно заявил пухлощекий Баринс, радовавшийся чужому триумфу как собственной победе. Упрямый Стамлад, долго дразнивший девчонок, без устали повторял, как игуана Севария утерла нос Миранде!

Девочки с первого ряда спорили с долговязым Фомой и напыщенным Лангорье о честности испытания, ссылаясь на правила первого выбора, которым у Севария была Кровохлебка! Но Огурец, Барин и Нарцисс отрицательно качали головами, и, казалось, спорить они могли до бесконечности — так между первым и вторым рядом накалялись страсти, пока третий ряд тихо следил за происходящим, слушая доводы обеих сторон.

— Тихо, дети! Тишина! — наставник, дождавшись всеобщего молчания, примирительно добавил: — Пускай сегодня оба наших героя получат награду, поделив первое место между собой! Я считаю такое решение справедливым!

Когда страсти улеглись, ученики и ученицы спокойно заняли свои места. Но между Севарием и Мирой с той минуты вспыхнула искра. Миранду словно задевало загадочное видение алхимии, которым обладал Ступкин, — ведь она привыкла быть первой во всех начинаниях, а сейчас перед ней был неприметный мальчишка: задумчивый, немногословный и, похоже, весьма одаренный, при этом напрочь лишенный любой гордыни и надменности, холоднокровный и рассудительный. Посчитав его успех случайностью, девочка быстро успокоилась.

— Всеварий Ступкин! — после урока преподаватель окликнул ученика по имени, не забыв позвать к себе и новенькую ученицу Миру.

Одноклассники подошли к столу наставника, обдав друг друга максимально безразличным взглядом.

— Вы оба талантливые дети. Об одном хочу вас попросить: не соперничайте друг с другом, вместе вы принесете куда больше пользы, нежели порознь! А если хотите удивить друг друга или проявить себя, я буду рад пригласить вас обоих в круг алхимии. Это юношеская сборная группа, она набирается с первой по третью ступень обучения включительно из толковых и способных детей вроде вас, разумеется, если вы хотите участвовать.

— Я за! — мгновенно согласилась Миранда.

Промешкавший с ответом Всеварий, посмотрев внимательно на Роу, вскоре положительно кивнул, готовый посетить упомянутый круг.

Глава 2. Встреча с неизбежностью

Первое занятие круга было общеобразовательным. В один из дней, когда должен был быть урок алхимии, Аганэй Котлогрев повёл учеников в музейную галерею Ларцового Утёса.

Выставочный зал с выкрашенными тёмно-серой краской стенами оказался довольно просторным местом. Из распахнутых окон светило полуденное солнце, а в галерее стояло немало экспонатов: одни из них были за стеклянными витринами, другие, напротив, можно было потрогать или осмотреть детальнее, взяв их в руки.

Стены украшали живописные картины – по большей части портреты местных учителей, мастеров, профессоров, наставников, преподавателей. Иногда встречались прославившие школу ученики и ученицы.

Среди широкого числа картин, представленных вниманию юных посетителей, было полотно, пропустить которое оказалось невозможно. То был портрет седовласого мужчины, одетого в опрятный костюм из качественной ткани строгого тёмного оттенка.

Невзирая на свой преклонный, даже пожилой возраст, мужчина смотрел весьма уверенно и даже властно. Его рот скрывали окладистые густые усы, а подбородок – подстриженная борода с характерной проседью. Аккуратная стрижка с зачёсанными назад волосами, оголявшими высокий лоб, придавала этому человеку некую аристократичность. Он был давно знаком одному из недавно поступивших учеников.

Обратив внимание на портрет, Севарий смотрел на холст во все глаза, мгновенно узнав изображённого перед ним человека. Мальчишка продолжал пристально рассматривать картину, позабыв о времени и лекции, он мешкал, стоя на одном месте.

Владвек, подойдя к приятелю, намеренно окликнул его по имени, заподозрив неладное:

— Севарий? Ты в порядке?

Запоздало оглянувшись, Ступкин сумбурно пробормотал:

— Да, всё отлично! Я просто задумался!

Затем он натянуто улыбнулся в надежде перехитрить Владвека, бросившего тревожный взгляд на загадочный портрет, оглядывая его снизу вверх.

— А я думаю, ты о чём-то не договариваешь, — тихо заключил приятель. Он говорил шёпотом, избегая постороннего внимания и подчёркивая всю странность происходящего. — Ты смотришь на портрет так внимательно, словно пытаешься разглядеть в нём кого-то знакомого тебе... Если только...

Не завершив собственное предположение, Владвек быстро замолчал, уловив за спиной отзвуки чужих шагов.

Аганэй Котлогрев, приближаясь к загадочному портрету, остановился за спинами вышеупомянутых учеников.

— Перед вами – Морилун Тиланг Известный! Один из признанных мастеров алхимии Магистрата и Ларцового Утёса! Он долгие годы преподавал в нашей школе алхимию и помог раскрыться многим талантливым именам, прославившим не только себя, но и увековечившим бессмертной славой имя мастера!

Пока учитель силился припомнить всех достопочтенных учеников и учениц Морилуна, приводя их успехи в пример молодому поколению, Севарий, перестав его слушать, задумчиво помалкивал.

— Скажите, наставник, а что с ним случилось? — проявил интерес один из детей, не отводивший взор от ранее упомянутого портрета.

— Мастер Морилун долгое время работал над важным исследованием, способным изменить мир магии. Увы, его надеждам не суждено было сбыться. Роковая случайность обернулась

трагедией, и тень поспешных обвинений легла тяжким бременем на плечи Тиланга... Произшедшая беда не могла пройти незамеченной для Магистрата.

— В Ларцовый Утёс прибыла группа учёных и магов из коллегии «Надзорного порядка». Они приступили к расследованию инцидента, отстранив наставника Морилуна от преподавательской и научно-исследовательской деятельности до завершения разбирательств.

— Результаты внутреннего расследования доказали полную невиновность именитого учёного. Но он решил больше не преподавать в Ларцовом Утёсе и, вернувшись в Магистрат, вскоре покинул и его, отправившись в Межгородье...

— А дальше? Где он сейчас?

— Касаемо самого мастера Мори... Он спешно покинул Межгород, и с той поры его больше никто не видел. Теперешнее место нахождения Тиланга неизвестно, а все отчёты о минувших событиях, повлёкших трагический исход в лаборатории именитого алхимика, остаются засекреченными и укрытыми в летописных чертогах Магистрата.

— Какая жалость... — грустно обмолвилась одна из девочек. Она посмотрела на портрет, а потом о чём-то перешепталась с подругой. Обе были озадачены, но не озвучивали, чем именно.

— Пойдёмте дальше, ученики. Я расскажу вам о Фолбусе Длиннобородом!

Все ушли за учителем – все, кроме Севария, продолжавшего смотреть на портрет мастера Тиланга.

Сразу, как другие одноклассники разбрелись по залу, Владвек, оглядевшись по сторонам, легонько похлопал Ступкина по плечу и, привлекая его внимание, задал вопрос, остававшийся всё это время без ответа:

— Разве может быть возможным, что перед нами был тот самый человек, о котором ты упоминал мне ранее?

— Ты умеешь хранить тайны, Владвек? — аккуратно поинтересовался бледный лицом Ступкин.

— Мне ещё никто их не доверял, — находясь в лёгком замешательстве, Малорн смущённо признался. — Я не знаю, как ответить на твой вопрос...

Загадочно помалкивая, словно в нём шла незримая борьба между доверием и скрытностью, Севарий не смел проронить ни слова.

Решив его поддержать, Владвек твёрдо добавил:

— Думаю, если ты решишься поведать мне хотя бы часть тревожащих тебя раздумий, может, я и в самом деле смогу помочь.

— Хорошо, если так... — тяжело согласился ученик алхимика, желавший уйти как можно скорее. Ему хотелось выбраться на улицу: стены музея давили на него, лишая здравомыслия.

Следуя за ним, Владвеку ничего не стоило прошмыгнуть через парадные двери и покинуть выставочный зал. Нагнав Ступкина, он молча шёл с ним рядом.

— Я хочу пройти по длинной дороге, — так Севарий называл обходной путь, что вёл вперёд длинными коридорами, огибающими замкнутый участок зелёного сада, разбитого под открытым небом и окружённого со всех сторон стенами Ларцового Утёса.

— Составишь мне компанию, старина? — голос приятеля звучал разбито: его тяготили нахлынувшие мысли о прошлом.

— Да, конечно, — кивнул в ответ Владвек, встретивший мрачный взгляд Севария.

Из школьного парка дорога вела к широкому коридорному холлу, проходившему рядом со столовой и общим залом, чьи двери в данный момент были закрыты.

Неспешно минув их и оказавшись наедине, Ступкин пару раз осторожно оглянулся назад и внимательно посмотрел вперёд. Тяжело выдохнув и нахмурившись, он готовился раскрыть причину мысленных переживаний.

Шаг ребят замедлился, они практически остановились. В безлюдном, но хорошо освещённом коридоре их тихие голоса и шелест шагов терялись, становясь неуловимыми.

— Ты позвал меня прогуляться не просто так? Верно? — аккуратно полюбопытствовал Владвек, не желавший лишний раз ухудшать состояние Севария лишними расспросами.

— Да, — неохотно признался Сева. — Ты правильно догадался, Владвек. Портрет, представленный в музее... Как его там звали по имени...

— Морилун Тиланг... — припомнил приятель.

— Ага, верно, — с горькой, едва заметной улыбкой согласился Ступкин и неспешно начал свой рассказ с подробностей, о каких Малорн даже не догадывался.

— Как ты знаешь, Владвек, я родом из Восточного Царства. Меня ещё и на свете не было, когда мои родители перебрались на юг, в земли «Верных Старой Короне».

Севарий грустно продолжил:

— Появившись на свет, я не застал своих родителей в живых. Мать умерла при родах, отец сгинул в море за пару месяцев до моего рождения... Став круглой сиротой, я рос в одном из приютов Южного порта. Я бы не назвал то место плохим. Напротив, мы были очень дружными детьми — все мы, дети войны. Это роднило нас, как и общность потери. За нами приглядывала и заботилась милая старушка, ей помогала взрослая дочь — тоже добрая женщина, как и её мама.

При мыслях о ранних годах своей жизни взгляд Севария просветлел, он наполнился теплотой, а голос мальчика звучал мягче. Начало казаться, что в нём медленно спадала нахлынувшая скорбь.

— Наш приют был полностью на обеспечении городской казны, как и другие детские дома портовой крепости, а их у нас было немало! Я так, с ходу, мог назвать не меньше трёх! — Взгляд Севария снова стал серьёзным.

— Все дети хотели стать отважными моряками, бравыми капитанами или бойкими охотниками на морских чудовищ — все, кроме меня... Я тянулся к изучению алхимии. Но в Южном Городе, где я всё это время жил, меня бы в лучшем случае ожидало будущее лекаря. Не буду преуменьшать труд врачевателя — он, разумеется, важен, особенно в наше время, когда войны и болезни уносят множество жизней... Но мне хотелось другого будущего для себя. И, не став дожидаться совершеннолетия, собрав скромные пожитки, я под покровом ночи сбежал прочь из приюта, а затем — из города.

Мне тогда было лет десять. Так начался новый этап странствующей жизни, хоть длился он и недолго. Я с ужасом осознаю всё безумие своего поступка: на тот момент он воспринимался мной как единственное верное решение.

Детским умом трудно осознать все опасности, какие могут подстергать на нелёгком пути беспечного странника. Ведь ты живёшь в красочных иллюзиях и не помышляешь о последствиях совершённого тобой выбора. Голод стал первой проблемой — и, как оказалось, не последней.

В окрестных землях, раскинувшихся к северу от подножия крепостной стены южного города, посёлки, деревушки или одинокие, затерявшиеся среди луговин фермы встречаются нечасто.

Даже спустя много лет после войны мне попадались голодающие и нищие едва ли не в каждом поселении, в какие я забредал не от большого интереса.

Тайком забравшись на один из чердаков харчевни и готовясь хорошенько вздремнуть, невзирая на сильную дневную усталость, я обнаружил, что сон бежит от меня прочь. Тогда я стал прислушиваться — и среди гулких голосов мне посчастливилось узнать одну историю, изменившую мою жизнь, перевернув её с ног на голову.

Здесь Севарий сделал непродолжительную паузу, снова взвесил все «за» и «против» и, быстро определившись со своим выбором, охотно продолжил начатый рассказ:

— Это был разговор двух местных селян. Они болтали спяну довольно громко – мне даже не пришлось прислушиваться к их голосам. Да и находились они этажом ниже: видно, я устроился над спальней одного из них, а второй, прикупив у хозяина харчевни кувшин вина, наведлся к товарищу для дружеской посиделки.

Двое селян некоторое время обсуждали волнующие их темы – начиная от хищных зверей, продолжая моровыми болезнями. Меня озвученное мало интересовало, и под их брюзжащие голоса я стал потихоньку терять нить разговора, пока один из них не рявкнул хриплым басом:

— Виноват Хозяин Леса! Будь он неладен! Поселился рядом с нашей деревней... и напускает на честных людей свои гнусные чары... Ик... — Затем последовал звонкий удар кулаком по столу.

— Надо найти и выгнать его отсюда! — согласился второй селянин.

Оба они были пьяны в доску, и языки их заплетались. Но моё внимание оказалось вознаграждено полезными подробностями: мне стало интересно, о ком они говорили. Вскоре, судя по чужому разговору, я узнал, что в двух верстах от деревушки, где я находился, был лес. И, со слов сельских пропойц, там жил некий колдун, постоянно варивший пахучие зелья, а дым от его варева виднелся на много вёрст в округе.

Местные боялись Мрачнолесья: оно постоянно притягивало к себе разных существ. Одни говорили: «В лесном озере водятся русалки, и время от времени мавки утаскивают к себе на дно всех, кто останавливается рядом с их зачарованными водами!» Другие рассказывали: «Колдуны и ведьмы бродят по зловещему лесу, устраивая под сенью его ветвей мерзкие встречи и жертвоприношения страшным идолам!»

Но всё озвученное меня не волновало. Мой интерес крутился вокруг загадочного дыма. Ведь я прекрасно понимал: это не дым от простого котла... или из печной трубы. Алхимики частенько смешивают реактивы, и порой такие, что дым от них клубится едким паром, приобретая необычный цвет. Достаточно было одного предположения – и мои догадки подтвердились. Один из выпивох сослался на едкий и мерзкий запах, веявший из леса. Другой упомянул в разговоре туманную дымку слабого сизого цвета...

В злополучный лес местные селяне не захаживали даже в дневное время суток. Они предпочитали обходить его стороной, пробегая мимо, а ночью и вовсе из домов своих старались не высовываться.

Выбирать в моём случае было не из чего: либо дальше голодать и скитаться от одной бедствующей деревушки до другой, с таким же удручающим положением дел, если не хуже, либо рискнуть жизнью и найти лесного отшельника...

Ещё засветло я отправился в путь. Лес оказался единственным на всю округу. Он, на самом деле, встретил меня неприветливо, но какого-то странного запаха или следов чужого присутствия я сперва не заметил. Благо мне удалось немного вздремнуть перед грядущим походом и даже подкрепить силы парочкой ржанных сухарей, припрятанных за пазухой на всякий случай.

До самого вечера я бродил по дремучему лесу, но ни озера, ни какого-то приметного жилища мне на глаза не попало. Я уже отчаялся найти себе ночлег – впрочем, как и выбраться из Мрачнолесья. Упав от усталости и опершись на поваленное дерево, я задрал голову вверх.

Тут меня словно ушатом холодной воды окатили: в глубине леса, примерно на расстоянии одной версты к северо-западной окраине, вверх тянулась тонкая, словно пряди седых волос, дымка. Вскочив со своего места, я рванул через кустистые заросли со всех ног и, не разбирая дороги, повторял мысленно одну единственную просьбу:

«Хоть бы ещё не стемнело! Хоть бы дым был виден и дальше!...»

Чем быстрее я бежал, тем сильнее на меня давила усталость. Я уже не чувствовал своих ног, зато ощутимо улавливал странный запах – не назову его едким, но очень специфическим. Я продолжал двигаться вперёд, иногда переводя дыхание и сбавляя темп, пробираясь напря-

мик через высокие кустарники. Меня подстёгивал леденящий сердце страх упустить из виду заветный ориентир, грозивший оставить меня один на один с неизбежной гибелью!

Я спрашиваю себя: какая сила двигала мной? Зачем было отправляться на поиски неизведанного? По сей день не нахожу вменяемого ответа на разумные вопросы. Ведь мне было достаточно одной надежды – и она оправдала все мои ожидания, даже превзошла их!

По приметному не лесному запаху и мутной веренице дыма, устремляющейся ввысь над всем лесом, пусть и не сразу, но мне удалось найти ветхую землянку именитого алхимика. Он тогда показался мне сумасбродным стариком – молчаливым и необщительным до жути. Хотя... В былые дни он иногда бубнил сам себе под нос всякие странности. Я не пытался разобрать его речь: он всё время говорил какими-то формулами, либо научными терминами, или ещё хуже – загадками, словно искал ответы на них, не обращая внимания на окружавший его мир.

Остаться жить у него оказалось проще, чем скитаться по разорённым землям Восточного Царства. Не знаю, что сыграло главную роль в данном решении. Хотя нет, припоминаю: в землянке старика было окошко буквально под самой дверью. Через него мой взгляд уставился на лучшую лабораторию, какую только видели мои глаза за столь короткую и юную жизнь. Там было всё необходимое – не только начинающему алхимику или посвящённому, но даже мастеру!

На улице смеркалось, холод подступал всё ближе. А от грядущей ночи требовалось найти укрытие. Морилун, пребывавший в уединении, корпел над проводимым им исследованием. Он делал заметки на одном из листов бумаги и при горящей в углу лучине продолжал смешивать в своих стекляшках неизвестные мне субстанции.

Еле оторвавшись от окна, я обошёл землянку со всех сторон и набрёл на маленькую дверцу. Она была не заперта. Как оказалось, там хранились кое-какие сушёные травы, корешки, цветы, ягоды и листья, расставленные на полках в банках – одна к другой в ряд. У подножия соседней стены лежали колотые дрова, хворост, берёзняк, а в углу, близ печки, примыкавшей к тесной комнатухе, располагался садовый инвентарь: лопаты, тяпки, вилы, грабли...

Спешно закрыв за собой дверь, я обвязал ручку бечёвкой, примотав её к соседнему столбу, служившему дверной опорой. Остановившись у печки – где было самое тёплое место – я стал устраиваться на ночлег. Выложив дрова на землю в несколько рядов, чтобы не застудить спину, и устроив себе неплохую кровать: постелив сверху хворост и накрыв всё походным плащом, я завернулся в него точно гусеница в кокон куколки.

За последующие дни жизни рядом со стариком он, при всём моём удивлении, меня не выгнал, а напротив – делал вид, словно меня не существует, хоть я и продолжал жить за стеной, в шаге от его лаборатории. А он постоянно был занят разными опытами, записями, наблюдениями и частенько пропадал по целым дням в своей берлоге, пока его сад зарастал сорняками, а высаженные ещё весной растения страдали от нехватки воды и внимательной заботы.

Вскоре мне наскучило следить за опытами деда – я всё равно не понимал их смысла, — поэтому моё внимание переключилось на другие хлопоты. В тот момент прокормить нас обоих было в разы важнее изучения алхимии: от опытов мало толку, если с голоду протянешь ноги.

В свободное от работы в саду время я начал частенько прогуливаться по Мрачнолесью, ставшему для меня гораздо приветливее, нежели в нашу первую встречу.

До урожая было ещё далеко. Тогда меня выручали корни лопуха, съедобные грибы, орехи да ягоды, и особенно растущая кустами сныть! Но речь сейчас не об этом...

Дед, живший в лесной землянке, хоть и с трудом, но успевал работать в саду. До моего появления он «разрывался» между двумя своими увлечениями, но когда работа в саду перешла с его плеч на мои, старик заметно приободрился. Мои навыки садоводства были хорошо развиты ещё с детского дома. Вскоре урожай не заставил себя ждать: к концу лета у нас было вдоволь овощей, их хватило с лихвой для нашего прокорма. Даже шиповник для чая... —

с грустью в голосе вымолвил Севарий, вспоминая последний беззаботный разговор с Владвеком, когда они познакомились во время путешествия в Магистрат и пили горячий чай, глядя в замерзающие окна холодного трамвая.

— Оказывается, дед был не превзойдённым алхимиком Тилангом Известным, мастером мензурки и пузырьков! — хмуро подытожил Севарий.

Каждое утро Морилун выходил в сад, и, только заведя меня издали, тут же сворачивал назад. Возвращаясь в собственную землянку, он приступал к приготовлению завтрака, а после обязательно выкуривал одну трубку, сидя на завалинке рядом с крышей дома. Затем возвращался в лабораторию, где приступал к очередной череде исследований и опытов. Узнать их подробности для меня было труднейшей задачей.

Шли месяцы, а дед всё так же продолжал старательно игнорировать моё присутствие. Но когда я начал читать его дневники наблюдений, быстрые заметки, учебники – разумеется, в тайне от него самого, — то кое-какие мысли стали для меня проясняться. А если мне было что-то непонятно, я всегда мог задать вопрос наставнику. Он либо указывал мне на ответ, либо начинал развёрнутый рассказ – при условии правильности моего вопроса. Когда вопрос оказывался глупым или неправильным, ответа я не получал: мигом рвалась тонкая нить с его запутанным сознанием. Он снова пропадал для всего мира и погружался с головой в исследования, как будто находился в плену некой навязчивой идеи, даже цели всей жизни! Захватившей власть над ним настолько крепко, что порой он забывал и про сон, и про еду. А иногда мог проснуться посреди ночи и, вскочив на ноги, даже не удосужившись зажечь свечу или запалить лучину, хватал дрожащими пальцами перо вместе с чернильницей и кипу пожелтевшего пергамента, выбегал на улицу и при луне вычерчивал корявым почерком очередную формулу или новую рецептуру для предстоящего опыта.

Как ни странно, здоровье у Тиланга при таком бешеном ритме жизни, с частым недоеданием и повторяющимся время от времени недосыпанием, сохранилось крепкое! Он мог несколько суток обходиться без еды и без воды. Одно он не мог выдержать – это провести хотя бы один день без своих исследований. Когда часть его работы, а вернее, её мизерная доля стала для меня понятной, я научился задавать наводящие, а главное – правильные вопросы. На них дед охотно отвечал путём нехитрых опытов, демонстрируя мне наглядные результаты.

Так начался мой путь в подмастерья к именитому алхимику, и вскоре из садовника я плавно перешёл в статус лаборанта.

У меня без труда получалось совмещать работу по саду и лабораторную деятельность – если её можно было так назвать. Хотя «лаборатория» звучит слишком круто для одной комнатки в тесной землянке! Где правильным будет уточнить: была вторая дверь, ведущая в узкую кладовую. Дверца толком не закрывалась, и мы оставляли её едва прикрытой. Это был архив алхимика, в котором горами хранилось множество разных книг, научных тетрадей, дневников наблюдений и кипы рукописей, подпиравших собой потолок, как колонны сказочного дворца! Большую часть этих ценных наблюдений мне так и не довелось изучить, а главное – детально разобраться в них!

Когда у старика заканчивались реагенты, он одно время пропадал из дому, словно исчезал бесследно. Стоило ему зайти в эту маленькую коморку и неплотно притворить за собой дверь – я уже знал: его там не будет... Сначала мне хотелось раскрыть тайну его исчезновений, но со временем моё уважение к наставнику взяло верх над любопытством, и, решив не вмешиваться, я оставил подобные «исчезновения» без внимания. Ведь должны оставаться хоть какие-то секреты даже у самых странных людей на свете.

В один из дней дед заболел. Его словно подкосила непонятная мне хворь. Привыкнув за долгое время к его активному ритму жизни, сложно было поверить во внезапный недуг, так легко сломивший алхимика. В бреду он стал повторять про какое-то кольцо, которое хранил долгие годы при себе в истёртой по углам деревянной шкатулке, небрежно запрятанной

среди его архивных рукописей в тесной кладовой. Дед всё повторял, как заведённый: «Один раз надень кольцо на одну руку... а посленими его, до того как перейдёшь порог... затем надень на другую руку... и так женими у порога...» Какие пороги?! Зачем снимать кольцо?.. Мне было непонятно, о чём он бредит, но одно мне стало ясно как день: кольцо, о котором постоянно говорил больной, было не простым украшением, оно таило в себе некую магическую силу. Её нужно было изучить, прежде чем применять на деле.

Зайдя в тёмную кладовку и плотно затворив за собой дверь, я надел волшебное кольцо на палец правой руки. В тот самый миг мои глаза закрылись, и я очутился в другой комнате. Она была просторнее архива алхимика, но такой же тёмной, затхлой и давящей с потолка. Надо мной трещали половицы, и сквозь расщелины между ними видны были тени от проходящих в разные стороны людей, громко говоривших, шумно смеявшихся. Временами на пол проливался тусклый свет от очага камина – он мерцал через узкие прорезы между досками, такой далёкий и едва заметный глазу. Решив идти на шум, я быстро добрался до лестницы, ведущей наверх. Поднявшись по ней, прежде чем пересечь порог, я предусмотрительно снял кольцо с пальца. Оно было не просто волшебным: даже его размер подогнался под нужную руку. То оно могло стать широким и легко поместиться даже на большой палец, или, наоборот, уменьшиться, став настолько маленьким, что его впору было носить только на мизинце. После того как кольцо было спрятано в карман, моя рука нащупала ручку двери, и, толкнув её от себя, я переступил порог таверны, носившей броское название «Край Света». Удивляться было некогда: старик на самом деле был не просто алхимиком – он разбирался в магических умениях и предметах.

Смущение ушло на второй план, даже несмотря на лёгкую робость для меня, оказавшегося в месте, о котором я до сего дня и слышать не слыхивал. Сориентироваться не составило особого труда: ведь если ты в трактире, харчевне, гостевом доме, питейной – всегда ищи местного управляющего. Всеми делами трактира заведовал одноногий белобородый мужик чуть старше средних лет, но ещё не переступивший порог дряхлой старости. Звали трактирщика Антип. Он меня заметил ещё издали и, окликнув, подозвал к себе раньше, нежели моим глазам удалось разглядеть его среди мелькавших в разные стороны посетителей. Подбежав к высокой стойке, я сразу, без обмана, назвал себя учеником алхимика, живущего отшельником в лесу близ Мутного озера. Антип внимательно меня выслушал и утвердительно кивнул в ответ. Он оказался сообразительным, а главное – полезным человеком, не теряющим времени зря и охотно помогающим тем, кто попал в беду... разумеется, не задаром. Но я его за это не виню: ведь он трактирщик, а такие люди своего не упускают... Антип сразу помог мне с поиском нужных лекарств для Морилуна, подробно объяснив, как попасть в Межгород и разыскать в чародейском городке всё необходимое. На осмотр изысканных кварталов у меня не было времени – нужно было поторапливаться! Купить весь перечень лекарств, прежде чем в округе стемнеет, и вместе с тем успеть вернуться обратно, в землянку алхимика.

Будучи снова в подвале трактира, мне припомнился бред больного. Теперь он не казался мне странным, напротив – в нём был смысл, касающийся правил волшебного атрибута. Следовать им было необходимо. Надев волшебное украшение на палец левой руки, я снова оказался в архиве землянки. Но к моему удивлению, стоило мне вернуться назад, старик уже был на ногах и бегал по дому как секундная стрелка механических часов по белому циферблату – начиная от стола, где Морилун записывал наблюдения, и завершая лабораторией, где сиюминутно умудрялся проводить новый опыт. В тот день мне стало ясно, как дед ловко провёл меня! Но зачем ему это было нужно? В подробности мне вдаваться уже не хотелось: мало ли что взбредёт в голову человеку со странностями. А у деда их было столько, что впору телегу ими запрягать!

С той поры мне иногда выпадало наведываться вместо Морилуна в упомянутую выше таверну, а оттуда – в Межгород, закупая необходимые для лаборатории реагенты, сырьё и про-

чье. Откуда у нелюдимого старика, живущего в лесу, деньги на дорогие покупки – мне задумываться было некогда. Алхимия стала частью моей жизни, и немалую заслугу в этом сыграл наставник Тиланг, даже несмотря на омрачавший его разум недуг. Мне дед напоминал сломанный механизм часов, работающий ровно до полуночи и вынужденный повторять ежедневно одинаковые действия, меняя их последовательность, порой добавляя нечто новое, а временами пересматривая всю систему в надежде получить заветный результат. Его жизнь – «сломанные часы», чья загадка не шла у меня из головы, но эти раздумья быстро мне приедались. А желание погрузиться в новые исследования побеждало все порождённые пытливым умом вопросы. Вскоре наставник совсем перестал касаться фиалов, флаконов, перегонных кубов и мензурок в алхимической лаборатории: мои руки сами выполняли всю нужную работу. Он только говорил, какие смешивать реагенты и в какой последовательности, сверяя мысли с личными заметками, хотя мне по-прежнему не было известно, в чём состоял предмет наших поисков.

— Владвек, думаю, ты помнишь, как задал мне вопрос, почему я оставил старика? — Печальный взгляд Севария исполнился сожалением. Тихий голос приятеля снова зазвучал, собирая воедино произошедшее в прошлом и озвучивая всё поочерёдно, составляя цельную картину минувших событий. — В один из дней я в очередной раз отправился за покупками ингредиентов в лавку алхимии, находившуюся в Межгороде, но по возвращении домой наставника мне застать уже не довелось.

Дверь была выбита и качалась на одной петле. С улицы дул холодный предрассветный ветер, а вся лаборатория была разбита вдребезги. Обстановка напоминала такую, словно в землянку ворвался разъярённый медведь и начал крушить всё на своём пути. Стариковская кровать лежала перевёрнутой на бок, а постельное бельё свисало разорванными клочьями. Даже матрас и подушки были выпотрошены и вывернуты наизнанку: их мягкие перья заполнили всю комнату, смешавшись с осколками разбитых стёкол, звучно хрустевших под моими шагами. Часть разбросанных по комнате листов бумаги были испачканы грязными следами. Другие листы были скомканы и валялись у моих ног, как созревшие плоды под дикой яблоней! Я хорошо запомнил первые мысли, пришедшие мне в голову: они были очевидны и не требовали подтверждений: «Сюда ворвались незваные гости! Они собрали всё ценное и полезное и, спешно покинув лесную землянку, выкрали старика-алхимика вместе с его исследованиями».

Архив знаний был пуст! Морилун, будь он в лучшей форме и даже на два десятка лет моложе, не утащил бы за раз столько наблюдений, волоча всё на своём горбу! Навязчивые, встречающиеся едва ли не повсеместно оставленные чужими башмаками следы молчаливо «кричали» во всеуслышание о том, что здесь побывало по меньшей мере трое рослых проходимцев. Находки на улице подтвердили мои догадки: там было ещё несколько глубоких следов, но уже от конских копыт. Значит, похитители были верхом...

Я был сам не свой от переживаний, и мне пришла в голову единственная «разумная» мысль: бежать! Со мной было волшебное кольцо, а значит, у меня был шанс пробраться в Межгород незамеченным для чужих глаз.

Набросив на спину выцветший походный плащ и перекинув через плечо вещмешок, наспех набитый доверху разными овощами и фруктами, я торопился убраться из землянки как можно скорее, прихватив с собой фамильный портрет Морилуна... Он был небольшой, среднего размера, но показался мне очень ценным: я думал продать его и выручить от сделки хотя бы пригоршню серебряных монет, но вскоре передумал, желая сохранить последнюю память о наставнике. В злополучный вечер, упробив трактирщика Антипа сберець моё скромное наследство, я решил не тратить драгоценные часы попусту.

Идти мне было некуда. Если обо мне догадаются, искать будут первым делом вдоль просёлочной дороги – при условии, что старика-алхимика похитили местные селяне, а это выглядело маловероятным. Мгновенно сообразив о другой беде, вывод напрашивался сам собой: похищение – дело рук магов! Ведь о путешествии старика мог сообщить кто угодно, и не обя-

зательно этим кем-то должен быть Антип. Его могли узнать кто-нибудь из посетителей трактира или выследить в переулках Межгорода. Тем опаснее было задерживаться в таверне на «Краю Света», как и мелькать у всех на виду в Межгороде! На улицах меня могли поджидать сообщники похитителей. Благо я успел раньше недругов оказаться в таверне, и там были все те же лица забулдыг, брызжащих, неугомонных пропойц и пришлых странников из далёких земель, которым до меня не было ни малейшего дела. Острый взгляд Антипа без труда отыскал бы подозрительных чужаков, намекнув мне о неприятностях. Слегка успокоившись и собравшись с мыслями, я в тот же вечер переговорил с трактирщиком, объяснив ему своё желание поступить учиться в одну из школ Магистрата, для этого мне требовалось раздобыть приглашение из города магов, дабы попасть в ряды будущих счастливицков.

Получилось вполне убедительно. Антип пообещал меня выручить, но не задаром. Ему нужна была помощь в одном «щекотливом деле», а вернее – «обстрелять один проект». С меня требовалось стать однодневным посыльным, который должен был встретиться с курьером из Магистрата на улицах Межгорода и, получив от него груз в виде небольшого ящика, передать его в руки следующего курьера. На что я согласился не без опаски: выбора у меня всё равно не было... Мне нужен был заветный билет, спасительная возможность избежать участи наставника, а именно – письменное приглашение с печатью Магистрата! Когда я выполнил свою часть сделки, Антип, удостоверившись в моей правоте, вернулся за прилавок спустя некоторое время и протянул мне билет с письменным приглашением в город волшебников... А дальше ты уже всё знаешь сам. — Подытожив длинный рассказ, Севарий потер дрожащие ладони друг о друга.

Внимательно выслушав приятеля, Владвек продолжительно молчал.

— Теперь, оказавшись в Ларцовом Утёсе с сумкой овощей за плечами и фамильным портретом выжившего из ума мастера алхимии, для меня стали проясняться прошлые события более ясно, нежели до всего произошедшего, когда многое из написанного наставником воспринималось мной не иначе как бред безумца. Рассказав тебе свою историю в день нашей встречи, я предусмотрительно сократил её в несколько раз: страх погони выдавал моё волнение. Мне ещё было неясно, что ты за человек, Владвек, и можно ли тебе доверять. Выбрав самое неприметное и отдалённое место в трамвае, прячась от преследования, я был на грани помешательства. Может, с моей стороны и выглядело опрометчивым продолжать тот разговор, когда я осмелился рассказать тебе часть собственной тайны, рискуя жизнью. Ведь если Морилуна смогли отыскать в его убежище, посреди Мрачнолесья, то найти меня для его похитителей должно было стать легче лёгкого!

Тогда я и не догадывался, кто он, не догадывался о его исследованиях в Ларцовом Утёсе. А когда передо мной возник портрет Тиланга во всём его великолепии – один в один копия того самого холста, который я привёз с собой в Ларцовый Утёс, разве что портрет, хранящийся у меня, в разы меньше музейного экспоната, как последнее напоминание о безмятежном прошлом, — я потерял дар речи перед горькой правдой. Привыкший видеть старика-алхимика каким угодно – странным, отчуждённым, погружённым в собственный мир исследований, — я всё хотел упрекать себя в мнимости ложной погони, разыгрывающейся за моей спиной! Считая учителя всего лишь отшельником, живущим самобытно! Одарённым, образованным, но всё же кем угодно, только не одним из лучших алхимиков Магистрата! Внутреннее ощущение опасности не оставляло меня в покое. Мысли о его похищении крутились в моей голове постоянно, выстраиваясь в длинные цепочки рассуждений и предположений. Находясь между двух огней – где с одной стороны была надежда ошибиться, а с другой – усиливающийся страх, — я решил проверить, узнать, как быстро моя история достигнет чужих ушей.

И, собравшись с духом, прикинувшись простаком, выложил перед тобой часть губительной тайны, оставив в рассказе несколько тонких намёков, которые по итогу не вызвали особого интереса у окружающих. Ведь для всех Тиланг и его сложившийся образ не увязывались с ходящим в лохмотьях, живущим в землянке стариком-отшельником. Но главное, Владвек, я

очень рад, что не ошибся в тебе! Ты сохранил мою тайну – её малую часть, — посчитав всё озвученное мной при первой встрече личным и очень важным, оказавшись настоящим другом!

— Владвек, мне нужна будет твоя помощь. — Смотря в глаза Малорну, Ступкин не отводил свой взор в сторону. Новая надежда озаряла его сердце, она ободряла ученика именитого алхимика, он готов был жить ею! Такое стремление не могло не повлиять на Владвека.

— Я готов помочь! Всем чем смогу! — решительно согласился Малорн.

— Тот дневник, вернее, то, что от него осталось... помнишь? В музее рядом с портретом есть витрина, её трудно не заметить. В ней хранятся последние страницы одного из дневников наблюдений. Почерк в нём не разобрать, страницы сильно обгорели. Но что, если он не единственный в своём экземпляре? — Продолжая свою мысль, Севарий подталкивал слушателя к главной догадке. — В ранних работах, хранившихся некогда в архиве-землянке, на глаза мне часто попадался шифр. Вернее, сравнение. Морилун называл таинственное место «Лабораторией № 1». Он всё время ходил вокруг да около и часто делал отсылки к этому месту, но оно всегда называлось у старика по-разному: то он назовёт её «Тайным убежищем» в период мрачного отчаянья, или «Клеткой разума», когда хочет умалить её значение в собственной жизни. Но всегда тень Лаборатории № 1 незримо присутствует, пронизывая насквозь остриём серебряной иглы учёный ум наставника и оставляя призрачный след в страницах сделанных им наблюдений. Она для него – «отрада», она для него – «печаль», — в мрачной задумчивости подметил Севарий.

— Неважно, как он её называл! Важно найти место, где находится Лаборатория № 1. Её тайны могут пролить свет на причину похищения твоего наставника, — прямолинейно ответил Владвек.

— Твои мысли и суждения идут в верном русле, старина, — согласно подтвердил Севарий. — Прости меня за мою скрытность: я хотел удостовериться, какой ты человек... и, понаблюдав со стороны, понял, на тебя можно положиться! Учитывая нашу общую родину – ты, как и я, из земель Восточного Царства, — а земляков ничто так не роднит вместе, как общая беда или радость в родном краю...

Кивнув Севарию, Владвек с добродушной улыбкой ответил:

— Значит, друзья?

— Друзья! Не разлей вода! — Ступкин крепко пожал протянутую ладонь Малорна и слегка приободрился, теперь он выглядел куда светлее, нежели до судьбоносного разговора.

С сердца свалился огромный камень, и сейчас юный алхимик был окрылён надеждой. В его голове мелькало множество догадок и мыслей, какие могли послужить зацепками для начала поисков.

Глава 3. Два портрета одного человека

Когда Севарий и Владвек решили вернуться назад прежней дорогой, они снова подошли к музейным дверям. Зал ещё был открыт. Повторно наведавшись к экспонатам и внимательнее взглянув на сожжённые обрывки дневника и портрет именитого алхимика, догадка пришла в голову Севарию, когда он, приблизившись к живописному полотну, долго разглядывал чужие руки. Одна из них была хорошо заметна: пальцы левой кисти лежали на правом предплечье.

— Всё сходится... — твердил себе под нос Ступкин.

Расположение большого портрета максимально соответствовало малой копии. Характерным отличием музейного полотна был размер изображения Морилуна: здесь он был показан в полный рост, а фамильный экземпляр, который Севарий увёз из землянки, явно был урезан, хотя и соответствовал оригиналу — начиная от расположения позирующего алхимика и заканчивая его окружением, при котором даже книжный шкаф на дальнем плане был выполнен в точности с малой копией портрета. Но было между ними и отличие, в котором Севарий спешил лишний раз убедиться.

— Одна маленькая деталь... — продолжал упорствовать Ступкин, сдерживавший робкую радость, опасаясь спугнуть её появлением, капризную удачу.

Разматывая клубок загадок, хватаясь за нить неутомимым, острым умом, ученик алхимика размашистыми шагами взбирался по башенной лестнице, ведущей к спальням, где собравшиеся мальчишки весело обсуждали минувший день. Все, за исключением Всевария и Владвека, которые были чем-то озадачены и неразговорчивы, оказавшись на пороге общей комнаты в разгар чаепития.

— Севарий, вечно ты хмурый такой! Словно жука-летуна проглотил! — шутливо прибавил пухлощёкий Барин, звучно отпив из блюдца немного чая, он шумно полез в банку с вареньем, стуча по её краям столовой ложкой.

В то время как Агарий, расположившись поблизости, осторожно дул на своё блюдце и по-детски довольным взглядом провожал возникающую рябь на чайном напитке, испытывая тишайшую радость от происходящего.

Оставив замечание без ответа, вошедший Севарий направился напрямик к своей кровати. Достав из-под неё свёрток, обмотанный серой бечёвкой, мальчишка быстро развязал парные узлы и, вынув из защитной бумаги сложенный холст, заблаговременно развернул картину на кровати. Затем спешно вскочив на ноги, Ступкин повернулся в направлении центральной колонны и плотно прислонил к ней портрет, закрепив его на пустовавшей опоре.

Копия портрета именитого наставника алхимии теперь красовалась супротив окна. Остановив на изображении пристальный взор, Севарий пододвинул одно из кресел поближе, поставив его спиной к окошку, так чтобы сидевший на нём мог часами разглядывать загадочный портрет в поисках его разгадки.

На кирпичную колонну падал легкий вечерний свет, и полотно не выглядело как-то особенному. Это был обычный портрет, с которого смотрело лицо зрелого наставника, мастерски переданное талантливым художником, обратившим внимание на взгляд Морилуна, его фактурность и фигуру. Все детали были учтены, за исключением одной, немного выпадавшей из общего ансамбля.

Пока Севарий внимательно смотрел на «лишнюю деталь» в портрете, отсутствующую на музейном оригинале, Владвек напротив пытался что-то придумать, но мысли не шли ему в голову.

Подойдя ближе к Всеварию, Барин и Агарий уставились на холст с томными лицами.

— О-о-о-о, какой! — протянул многозначительно пухлолицый Стамлад, не скрывавший в себе увлечённого ценителя живописи. — Глаза-то какие! Так и глядят в душу! Севарий! Да ведь перед нами дед из музея!... Как его, кстати, звали? — Отпивая из блюда и отставив в сторонку правую ногу, Барин стал нервно щёлкать пальцами свободной руки, готовясь вобрать в грудь побольше воздуха, он сделал пару глубоких вдохов. — Ну как же его там!? Про него ещё сегодня Котлогрев упоминал!

В ту же минуту от Агария посыпались предсказуемые уверения:

— Смею... смею заметить! Он!... Алхимик из музея...

— Да знаю я! — вспыхнул Стамлад, ему не нравилось, если кто-то лез под руку с очевидными выводами. — Имя у него ещё такое! То ли Луна! То ли Лунасвет! То ли Лунабред! — Кивнув в сторону портрета, круглолицый мальчуган поднял взгляд к потолку, старательно напрягая память, он силился припомнить ускользающее имя.

— Морилун... — отстранённым говором сорвалось с уст Всевария.

— Верно! — согласился пухлощёкий Баринс Стамлад, вскоре потерявший всякий интерес к картине. Он вернулся к самовару с намерением подлить ещё чаю в опустевшее блюдо и, запустив ещё раз столовую ложку на дно пустеющей банки с вареньем, ловко выловил из тары несколько засахаренных ягод. Довольно облизнув испачканные джемом губы, мальчишка, не успевший прожевать плоды как следует, обратил внимание на дверь, где показался Сэндор.

Разгуливая в вычурном, модном наряде, Лангорье, одетый со вкусом, носивший негласное прозвище «Нарцисс», остановился напротив зеркала и, поправляя причёску, одарил собственное отражение взглядом умиления. Растущий интерес к столпотворению побудил его задать предсказуемый вопрос:

— Чего толпитесь?

Ловко прихватив отломанный кусочек бублика и обмакнув его в открытую банку с мёдом, Нарцисс случайно капнул янтарной сладостью в блюдо Барина, издавшего брезгливый вопль негодования:

— Аккуратнее, разиня!

Весело усмехнувшись на чужое замечание, Сэндор небрежно отряхнул ладоши друг о друга, продолжая жевать на ходу. Остановившись близ смотревших на портрет соседей по комнате, он с умным видом выдал очевидное:

— Тонкая работа, кисть талантливого мастера! Возможно, чей-то первый труд какого-нибудь академика из Магистрата! Где достали? — поглядывая на ребят, щёголь ждал ответа.

— Вон! У Севы спрашивай! Он знает об этом портрете больше нашего! — отмахнувшийся Баринс продолжал уминать бублики, макая их в мёд, подливая ещё одну порцию кипятка себе в блюдо.

Агарий между делом, забыв про остывший чай, уныло помалкивал. Он спокойно, едва ли не на цыпочках, подошёл к портрету чуть ближе, затем отошёл влево, смотря на картину с боку, потом ушёл вправо, так же оглядывая полотно с другой стороны, словно его перемещение могло на что-то повлиять.

— Знаешь... — внезапно проговорил Владбек, — я считаю, ещё не поздно сравнить их! Возьмём твою копию и отнесём её в музей! Как тебе такой вариант, Сева?

— Нет, мы обойдёмся без лишней суматохи! — отрицательно покачал головой Севарий.

— Скучно мне тут с вами! — проговорил Лангорье и, развернувшись, направился напрямик к выходу. Откуда воодушевлённо прибавил: — Пойду, прогуляюсь вниз!

— А что там внизу? — крикнул вдогонку полюбопытствовавший Агарий с завистью смотревший вслед щеголеватому соседу по комнате.

— Много будешь знать – плохо будешь спать! — сострил Сэндор, вышедший за дверь. Будучи увлечённым чьим-то певучим смехом, лившимся с наружной стороны общей комнаты, он явно торопился успеть к шумной компании как можно скорее.

Оставшиеся дети обсуждали между собой прошедший день, все, за исключением ученика именитого алхимика, внимательно глядевшего на портрет в поисках новых отличий, но они ему на глаза не попадались. Всё остальное было точь-в-точь как на большом портрете: и черты лица, и общий фон настолько схожи, что не вызвали каких-то подозрений. Обе работы были кисти одного художника, только малая картина, привезённая Севарием, отличалась уменьшенным форматом, будучи поясным портретом Морилуна.

Снова обратив прищуренный взгляд на руки наставника, Ступкин сделал заключительные выводы.

На музейном варианте картины левая рука именитого учителя была намалёвана без перстня, а здесь, в экземпляре, привезённом из землянки, на указательном пальце старика красовалось затейливое серебряное кольцо, напоминавшее собой сплетение виноградных лоз с «гроздьё» в виде красного рубина, блестящего на холсте.

— Если хочешь спрятать особенный предмет, прячь на видном месте, — смекнул Сева.

Когда все разошлись по своим делам, ученик алхимика, продолжая поглядывать на картину, искал в ней хоть какой-то намёк, как достать с холста драгоценное украшение. Вариант с тем, чтобы просунуть в полотно руку, можно было отмести сразу же – ведь это первое, что пришло Севарию в голову, и он, когда все были увлечены собственными заботами, торопливо одёрнув Владвека за рукав, тихо попросил его повернуть тот же фокус, какой он показал с волшебной картиной-саквояжем, купленной у южанина-художника. Но к общему разочарованию, пальцы Малорна упёрлись в холст, слегка прогнув его внутрь.

— Не вышло... — досаднейшим образом прозвенело в мыслях Ступкина, ломавшего голову над решением загадки волшебного полотна.

Вскоре начало темнеть, и все улеглись по кроватям. Фома, засыпавший дольше обычного, принялся подтрунивать над Севарием:

— Ты сегодня будешь спать сидя?! — не унимался Заройкин.

Но ученик алхимика пропускал язвительные уколы мимо ушей, он был весь поглощён поиском ответа на волнительный вопрос. А после того как все забылись крепким сном, Севарий и не заметил, как его объятая дремотой сознание на мгновение отключилось, провалившись в беспмятство.

Сколько времени прошло с той поры, он не помнил, но когда его спина стала ныть, а тело занемело, Ступкин нехотя проснулся. Стрелка часов давно перевалила за полночь, а он продолжал сидеть в неудобном кресле и, подняв сонный взгляд, чуть не упал со своего места.

Как оказалось, за спиной Севария светила луна, и пока он находился в кресле, часть лунного света скрадывала его тень, зато другая половина, ярко светившая серебристым лучом ночного светила, падала прямо на портрет, размывая на нём изображение старика ровно наполовину – как раз в том месте, где была его спина, плечи и рука, оставив на виду сияющий в ночной мгле рубиновый перстень.

Чуть наклонившись вперёд, сонный взгляд мальчишки прояснился, когда от прямого потока лунного света старик с картины полностью исчез из виду, оставив после себя лишь драгоценное кольцо, помещённое в картину не случайным образом.

Тихонько поднявшись из кресла, заслоняя спиной окно, чёрная тень от Ступкина, слегка коснувшаяся полотна неловким краем, медленно вернула старика-алхимика на прежнее место, подобно песчаному берегу, проступающему через впитанную им морскую волну.

— Тайна, ставшая явью! — Переполняемый радостью, Севарий боязливо зажал ладонями рот, стараясь не рассмеяться от восторга, его глаза зарделись огоньком азарта, перекликавшегося с хорошим предчувствием.

Стоя близ картины, он коснулся её поверхности дрожащей ладонью, затем устремился к кровати Владвека и, замерев в шаге от чужого изголовья, Севарий, склонившись над другом в попытках его разбудить, легонько похлопал Малорна по плечу. Друг поднял сонные веки и,

поднявшись с постели, смотрел на полуночника непонимающим взглядом, сумбурно лепеча в ответ:

— Что случилось!?! — вопрос звучал не так громко, но мог потревожить других соседей по комнате, разбудив их.

Поднеся указательный палец к губам с жестом «ни звука», Сева, отойдя от кровати друга, вернулся к колонне, на которой висел портрет, и, махая к себе рукой, молча подзывал Владвека.

Нехотя поднявшись, ещё сонный и не понимающий, чего от него хотят, безропотно оставив мягкую постель и немного ёжась от прохладных прикосновений ночи, Малорн медленно поплёлся в сторону Севария.

— Суть портретной загадки прояснилась! Вот! Посмотри внимательно!.. — Подойдя близко к изображению, остановившись в шаге от него, ученик алхимика закрыл отбрасываемой им тенью весь портрет.

Любопытно выглянув из-за спины друга, Владвек уставился на полотно картины. Обернувшись и убедившись, что друг пристально следит за всем происходящим, Севарий сделал шаг в правую сторону, перестав быть преградой лунному свету. Свободные потоки серебряных лучей устремились залить всё пространство колонны, включая висевшую на ней картину и темнеющую рамку.

Заметив, как старик рассеялся на портрете, Владвек только ахнул, он зажмурился и снова открыл глаза, желая убедиться, не снится ли ему происходящее вокруг.

— Он исчез!?! Немыслимо... ещё недавно был здесь... а теперь его нет! — молвил шёпотом потерявший всякий сон Владвек.

Кивнув ему в ответ, довольный Севарий, оставаясь спокойным, со сдержанной улыбкой объявил:

— Волшебные картины, вышедшие из-под кистей именитых живописцев академии Магистрата, могут и не такое. Портрет, находящийся перед нами, — очередное тому подтверждение, хотя бывают другие картины, с которых изображение словно сходит... — Поправив себя, Севарий продолжил: — Сходит, не исчезая без следа, а выходя из собственного полотна. Натурщик или натурщица, оставляя пустую раму на стене, начинает бродить призрачной тенью по хозяйским комнатам и пугать одним своим видом бедных домочадцев! Приятно знать, что эта картина не относится к подобным, иначе нам было бы непросто сделать дальнейшее.

Указав ему на рубиновый перстень в дорогой оправе, Сева подошёл ближе, словно опасаясь быть услышанным кем-то посторонним. Уставившись в темноту, его взор быстро пробежался по соседским койкам, где мирно спали остальные дети. Рассеяв собственные подозрения, Ступкин тихо проговорил:

— Нам нужно достать кольцо из картины. Думаю, здесь задача не труднее полотна-саквояжа!

— Я могу справиться с этим в два счёта! — ответив согласием, Малорн, ещё раз бросивший внимательный взор на картину, висевшую перед ним, закатал рукава ночной рубахи.

Сиявший на холсте перстень словно затмевал весь портрет своей реалистичностью. При свете дня или в ночное, безлунное время рубиновое кольцо выглядело вполне естественно, оно не вызывало ощущения «лишней детали». И немудрено: ведь не случись Севарию увидеть музейный оригинал фамильного портрета наставника, он бы и дальше не обращал внимания на вычурное украшение, дразнившее своим видом.

— Постой! — торопливо положив ладонь на плечо друга, Ступкин предостерегающе произнёс: — Нужно вынуть кольцо в свете лунных лучей, твоя тень не должна препятствовать! Будет надёжнее, если ты встанешь с правой стороны и, закрыв своей тенью основную часть портрета алхимика, не будешь заслонять хотя бы треть светового потока, падающего на перстень!

Кивнув другу, Владвек встал с правой стороны полубоком, нервно провёл ладонью вдоль холодного изображения. Кончики его пальцев быстро коснулись рубинового навершия, от чего драгоценный камень заманчиво сверкнул в полумраке. Поставив ладонь под перстень, мальчишка медленно вынул драгоценность из полотна, не сжимая её в кулак.

Когда кольцо покинуло своё убежище, оно засияло ещё красивее и ярче: на нём играли блики лунного огня, оно покрывалось ими как серебряной выюгой. Один только камень — тёмно-бордовый рубин большого размера, раскрытым оком, — смотрел из своей оправы величаво и даже немного дерзновенно.

— Теперь нужно вернуть перстень его законному владельцу — музейному портрету, — произнёс стоявший рядом Сева, он тоже смотрел на тёмно-алый рубин, но в его взгляде читалась осторожность. — Оригинальное полотно может таить в себе важную подсказку, необходимую для поиска Лаборатории № 1.

— Но как нам поместить настоящее кольцо в плоский портрет? Он не картина-саквояж. А учитывая, где оно должно оказаться — на указательном пальце наставника алхимии, как было на портрете-копии, — я думаю, нам нужно придумать подходящий план, — озвучив личные размышления, Владвек хмурил брови.

— Постой... — быстро взяв с открытой ладони друга рубиновый перстень, Сева в два шага оказался возле окошка и, подняв кольцо на уровень глаз, стал осматривать внутренний ободок искусного украшения. Луна снова выглянула из-за тёмного неба, и её лучи пролили долгожданный свет на обе стороны кольца.

Друзья взирали не сводя глаз: на внутренней кромке вырисовывался изящный курсив.

— Ты можешь его прочесть? — нетерпеливо спросил Владвек.

— Сейчас... — медленно вращая кольцо в руках, Севарий направлял гравировку к лунному свету. В серебряных бликах явственно проступал текст на внутренней стороне ободка:

— «Ключом отворяются двери, и в древних чертогах земли хранятся глаза-отраженья, в которых все тайны видны...»

Нахмутив лоб, Ступкин напряжённо думал, он силился припомнить все упоминания о «глазах-отраженьях», о «древних чертогах», обо всём, что ранее казалось полоумным бредом, а сейчас могло привести на верную мысль. Наконец его ум пришёл к единственному варианту, показавшемуся ученику алхимика вполне допустимым.

— Загадка? Как нам поможет очередной ребус? — недоумевающим голосом уточнил Владвек.

— О нет, старина! Загадка звучит так: «Висит груша — нельзя скушать!» или «Красна девица сидит в темнице, а коса на улице»... А это! — указывая пальцем на перстень, Севарий с довольной улыбкой на лице шёпотом произнёс: — Перед нами намёк на ответ! Хотя и не очевидный, даже метафоричный и в своеобразной форме, но ответ! Прямое указание, где и что именно нужно разыскать! «Отраженье, глаза-отраженья в подземных чертогах» — конечно! Вполне вероятно! — продолжал говорить шёпотом Севарий.

— Да объясни уже мне, о чём ты толкуешь? Для меня загадка кольца такая же неясная, как ночь в лесной глухомани! — досадно вымолвил Владвек.

— Прости, друг, на миг меня осенила мысль, и вся головоломка из тетрадей наставника стала собираться воедино. А теперь послушай меня внимательно.

Выдержав короткую паузу, Ступкин будто выбирал, с какой догадки разумнее начать своё повествование:

— «Чертоги земли» из загадки — это Подгорное королевство Гиблогорья со столицей в Ройноройске у самых берегов светящихся озёр. А «отраженье глаз, в которых все тайны видны» — редкая реликвия, старик вскользь упоминал о ней в контексте метафорического сравнения, когда документировал некоторые из своих исследований. Подземные жители Гиблогорья именуют себя ройнаройцами-гранмерами, ещё их величают норгардцами, обобщая разношёрст-

ную свору по названию одного из подземных городов. «Отражение глаз» — магические зеркала, очень древние. Как гранмерам посчастливилось заполучить столь ценные реликвии, я не знаю! На какой обман или сговор им пришлось пойти, трудно вообразить! Да нам это и не так важно! Суть дела остаётся прежней, особенно когда всё встало на свои места. Благо в Межгороде слухи о выходах из Подгорного королевства не беспочвенны, они иногда находят подтверждение, как, например, именитые пройдохи «Тринадцатой Версты». Ройнаройское собрание гранмеров, норгардцев и маргаров, использующих разные магические зеркала, способные перевернуть отражение смотрящегося в него, поменяв стороны местами, справа налево. Проще будет объяснить на примере: ты подходишь к такому зеркалу и поднимаешь вверх правую руку, но в древнем зеркале правая сторона — это левая! А значит, твоё отражение поднимет правую руку, но с левой стороны!

— Всё равно запутано и непонятно... — почесав в затылке, Владвек хмурился, желая разобраться как можно подробнее, но ему не удавалось. Решив отложить размышления до лучших времён, Малорн сменил тему, озадаченный другим вопросом, показавшимся на первый взгляд важнее предыдущего: — Как всё выше сказанное нам поможет?

— Слушай дальше! — Ступкина буквально захлестнули личные догадки и предположения, часть из них он связывал воедино, не решаясь озвучивать ранее и вразнобой. — Дельцы-гранмеры, они же выходцы из Подгорного королевства, организовали подпольное дело, специализирующееся на изготовлении волшебных предметов, копируя их и выдавая подделки, не отличимые от оригинала! Самый частый пример из жизни, когда ученик школы магии оказывается на пути к исключению из неё! Такой горе-ученик, дабы не лишиться магической атрибутики (колец, чародейской палочки, посоха или колдовских перчаток — не важно!), ищет встречи с зазывалой «Дельцов Тринадцатой Версты»! И если удаётся договориться, зазывала ведёт будущего заказчика на встречу с исполнителями.

Разумеется, ройнаройцы — хитрый и прагматичный народ, они сразу говорят, что им от тебя нужно. Прижатый к стенке ученик, обладающий приглянувшимся сокровищем, легко расстаётся с ним, отдавая вымогателям последнюю ценность — плату за скромную надежду сберечь в будущем шаткую возможность к чародейству. Когда хитрецы забирают уплату, они в свою очередь предоставляют тебе дубликат. Как было сказано ранее, дубликат — чистая копия со всеми положительными и отрицательными качествами, со всеми слабыми и сильными характеристиками магического предмета. Но всегда есть подвох! Особенно в деле с жуликами! Копия при всей своей точности является временной! А именно у неё есть ограниченные временные рамки: её существование в реальном мире длится до полуночи! Дальше тебе нужно «доплатить» — пожертвовать частью своих магических сил для продления «жизни» дубликата ровно на день. Но ученикам в преддверии процедуры исключения обычно хватает одних суток. Когда бездельника выгоняют, главный наставник школы магии ломает...

— Дубликат! — опередив Севария и быстро догадавшись о смысле хитрой уловки, Владвек снова замолчал, готовый слушать далее.

— Именно! Копия из кривого зеркала остаётся такой же и ломается в точности как оригинал! Впрочем, как тонет в воде и горит в огне... — Только требуется подпитка раз в день. Но обычно всё проходит быстро, и ломают не тот предмет, сжигают не те перчатки или отбирают не тот посох...

— Значит, нам нужно встретиться с «Дельцами Тринадцатой Версты»?

— В дальнейшем мы с ними встретимся! Но прежде чем искать зазывалу, тебе придётся одному наведаться в таверну на Край Света. Я не смогу отправиться с тобой, так как меня могут разыскивать похитители Морилуна, а тебя в лицо никто не знает. Вот, возьми его! — Вручив Владвеку в личное распоряжение позолоченное кольцо, обыкновенное на первый взгляд, ученик алхимика настороженно прибавил: — Запомни главное... надень его строго на правую

руку и только тогда, когда пересечёшь дверной порог и будешь уже внутри ванной комнаты. Тёмное место отлично подойдёт как первая точка твоего перемещения.

— А в чём разница? На правую или на левую руку?

— Кольцо работает по следующему принципу: сначала надеваешь его на правую руку – так фиксируется «якорь из места отправки», назовём её «Точка № 1». После этого ты окажешься в таверне «Край Света», где был «брошен» последний «якорь прибытия», назовём её «Точка № 2». — Севарий со вздохом продолжил: — Далее, когда нужно будет отправиться назад в «Ларцовый Утёс», надень кольцо на левую руку – так ты замкнёшь круг перемещения и вернёшься назад, сохранив для кольца две постоянные точки для последующих «прыжков».

— А если нужно будет заменить одну из них? — решил поинтересоваться заранее Владвек.

Севарий ответил незамедлительно:

— К примеру, тебе нужно будет, чтобы кольцо заменило «Точку прибытия № 2», но при этом не тронуло «Точку отправки № 1». Ты действуешь следующим образом: будучи в новом месте прибытия, надеваешь кольцо перемещения строго на левую руку – так заменяется «Точка прибытия № 2». По сути, кольцо «запомнит» место, из которого ты переместишься, и будет отправлять тебя туда, пока ты не выберешь другое.

— Уместная любознательность! — Похвалив друга, Ступкин сдержанно улыбнулся ему и дополнил свой рассказ рядом подробностей: — Важно знать все правила волшебного кольца заранее. Меня в прошлый раз выручила смекалка и внимательность, но одна допущенная ошибка при первом опыте перемещения может сыграть очень злую шутку. Прошу тебя, будь предельно внимателен с ним! Когда свет вокруг погаснет и наступит темнота, ты ощутишь лёгкое недомогание, словно невидимая сила подбросила тебя вверх и тут же поймала, резко поставив на ноги. Затем ты окажешься в таверне на Краю Света. Поздоровайся с Антипом и покажи ему моё кольцо – он быстро сообразит, от кого ты и зачем пожаловал. Далее сообщи ему о желании встретиться с зазывалой «Дельцов Тринадцатой Версты». Антип поможет организовать встречу с ним либо выяснит, где ошивается хитрый плут-зазывала.

— Не беги сразу со всех ног в Межгород! — посоветовал Севарий. — Обязательно переговори с Антипом, ему понадобится время для подготовки. Скажи трактирщику, что лучше назначить встречу на завтра. Далее, попрощавшись с ним, долго не медли и сразу возвращайся назад в Ларцовый Утёс прежней дорогой.

— Самое главное, чуть не забыл! — вовремя спохватившись, Севарий, возвращаясь к разговору про кольцо перемещения, напутственно предупредил: — Обязательно сними с пальца кольцо, прежде чем выйдешь из подвала, и до того как пересечёшь дверной порог таверны на Краю Света. О том, как нам действовать дальше, поговорим после твоего возвращения.

— Слишком сложный план... — посетовал Владвек, оказавшись в плену растущего волнения, его сердце громко билось в груди. — Не напортчить бы... — озадаченно пробубнил себе под нос мальчик.

— Справишься! — похлопав друга по плечу в знак поддержки и оставив Малорна ненадолго одного, Ступкин быстро подошёл к своей кровати и сунул под увесистый матрас драгоценный рубиновый перстень.

— Сколько сейчас времени? — спросил у друга Владвек.

— Два часа ночи... — шёпотом ответил Ступкин, дотошно поправлявший матрас и простыню на своём спальном месте.

— У нас разница с Межгородом в часах, значит, там у нас... — прикинув беглый расчёт, Владвек высчитал: — Около шести часов. В это время ещё часть лавок открыта... Может, с зазывалой удастся встретиться сегодня? Не откладывая дело в долгий ящик?

— Не торопи события. Лучше всего завтра! — настаивал вдумчивым голосом Севарий. — Приоритетнее договориться с Антипом. Ройнаройские гранмеры из Межгорода за одну ночь никуда не денутся! Ты бы оставил место, приносящее тебе значимый доход, за столь несложный труд?

— Не знаю... — пожал плечами Владвек.

— А они знают и не оставят, будь уверен! С ними как в поговорке: выгонишь норгардца метлой за дверь — он начнёт лезть через окно. Прищемишь ему длинный нос деревянной рамой — так заберётся на крышу и через печную трубу пролезет в дом! Пройдохи редкостные. Свои-то сокровища любят пуще собственной жизни, а чужие богатства и вовсе готовы вместе с хозяйскими руками вырвать! Межгород подождёт до завтра.

— Ты прав! — охотно согласился с доводами друга Владвек. Затем он быстро оделся в повседневный наряд настолько тихо, насколько это было возможно, и, стараясь не потревожить соседский сон, крадучись подошёл к двери в ванную. В её темноте он намеревался скрыться из виду. Сделав всё, как наказывал ему Ступкин, Владвек осторожничал: прежде чем принять то или иное решение, он вспоминал важные моменты, прокручивая их мысленно в своей голове, дабы не упустить из виду все детали оговорённого замысла.

— Прежде всего, зайти в уборную, надеть кольцо... — Вокруг густела темнота, она нещадно застилала глаза ребёнка, вмиг ощутившего скорый подъём и молниеносный спуск, притянувший к земле.

Очутившись в подвале трактира, Малорн торопливо взбежал по лестнице, чувствуя, как от каждого его шага прогибались вниз деревянные половицы. Он слушал за своей спиной натужный скрип досок, трущихся о шляпки гвоздей, и шум невиданного доселе ночного веселья, творившегося на первом этаже таверны прямо над его головой.

Едва взявшись за медную ручку, мальчишка вовремя обратил внимание на кольцо, которое он позабыл снять со своего пальца. Нервно отдернув руку назад, словно ладонь опалило надуманное пламя невидимого огня, Владвек мигом сорвал волшебную безделушку со своей руки и быстро сунул её в карман школьных брюк, затем, едва уняв волнение, он вышел за дверь, решительно перешагнув порог подвала.

Было два часа ночи. В трактире стоял жуткий гвалт, вызывавший сильное головокружение, где собственные мысли терялись на фоне безумствующего потока. Всюду толпились и сновали люди. Кто-то из них толкался, другие пререкались и бранились. Вдали раздался заливающий женский смех: одна из девушек, сидя на коленях рослого мужчины, без всякого стыда целовала его в губы, предаваясь забвению пламенной страсти.

Продолжая идти вперёд, шаги Владвека замедлились, он робел, глядя по сторонам. В тот самый миг его едва не сбил с ног проходивший мимо мужчина, нёсший на подносе не менее пяти оловянных кружек, до краёв наполненных хмельным варевом. Будучи навеселе, здоровяк даже не заметил отскочившего в сторону мальчишку. Казалось, «великан» смотрел куда-то вдаль, он весело махал рукой своим друзьям и что-то кричал им, силясь одолеть своим басом трактирный шум. А друзья «великана», занявшие дальний столик, в ответ торопили его идти быстрее и, будучи в объятьях ночных дам, осыпали девушек пылкими поцелуями.

«Край Света» наполнился странным, даже пугающим до отвращения «сладким» зловонием. Вкупе к выдыхающемуся хмельному напитку примешивалась стопка «огненной воды» с добавлением порочных удовольствий. Вонь, не щадившая детское обоняние, разила глаза и ноздри, подкатывая тошнотворным комом в горле.

— Чего здесь забыла такая малютка? — заинтересовалась одна из девиц. Её ноги были босыми, а грудь порывисто вздымалась вверх, словно после долгого и страстного танца. Девичья утончённая фигура, едва прикрытая сельским платьем с длинной и свободной юбкой светлого цвета, берущей своё начало из-под приталенного жилета, напоминавшего собою тесный корсет с широким вырезом на груди, явственно подчёркивала женское достояние, побуж-

дая местную публику к соблазнительным помыслам. На загорелую грудь девушки ложились несколько прядей её кудряво выющихся и угольно-чёрных локонов. Они были распущены по девичьим оголённым плечам, а бронзовое от загара лицо дарило окружающим заманчивые улыбки. Хотя в глазах молодой кокетки мелькала лисья хитрость и корысть, способная уступить своё место лишь страстным наслаждениям плоти, губившим не хуже болотного омута в Низине Ветроломья – так же «сладко», быстро и окончательно, без малейшей надежды на спасение.

— Разве ночной трактир подходит для такого маленького посетителя? Как ты?.. — произнесла, оглянувшись в полоборота и смерив ребёнка вызывающим взглядом, стоявшая до этой поры спиной вторая девица с причёской, напоминавшей взбалмошный, огненный вихрь.

Взгляд рыжей девушки мало отличался от взоров её подружки-брюнетки: в этих глазах напротив горел такой же пожар страсти и желаний, может, даже ещё опаснее, чем в глазах брюнетки. Здесь чувствовалось дикое звериное влечение и губительная ненасытность, переполнявшая огненно-рыжую охотницу, азартную до удовольствий и жадную до наслаждений.

— Может, перед нами вовсе и не мальчик? Как думаешь, Вергилия? Мне доводилось слышать о причудливых народах, где их сильная половина, будучи ростом не выше ребёнка, уже являются мужчинами... — И обе девицы внезапно вульгарно засмеялись, от чего мальчишка неловко вздрогнул, моргнув пару раз широко раскрытыми глазами.

— Так кто ты, юный гость? Мальчик или мужчина? — заинтересованно продолжала брюнетка, голос которой грозил стать ураганом страстей.

Продолжая отмалчиваться, стоя на своём месте, Владвек был не в силах и шагу ступить, окаменев словно соляной столб. Он был в замешательстве до той поры, пока девушки не засмеялись ещё громче. Переглянувшись с подругой, готовая продолжить веселье, рыжая девица, выпив из оловянной кружки немного пенного напитка, увлечённая искушением, склонилась над ребёнком так, чтобы её глаза могли смотреть прямо в лицо ошеломлённого мальчишки, и, стоя в таком положении, она соблазнительно улыбнулась, произнеся едва слышно с притворной, ядовитой нежностью в голосе:

— Мы ведь можем проверить, если ты сам нам не скажешь!

Её слова звучали как усмешка, так же вызывающе, как и читающийся в глазах порок желаний, не признающего пределов и границ.

Еле отведя взгляд от лица рыжеволосой смутьянки, Владвек уставился на пышную девичью грудь, по-юному светлую и будоражащую кровь в жилах. Смотря безотрывно в широкое декольте, он не мог зажмуриться. Сразу заметив это, огненная девица, сложив холодные ладони на груди и взявшись за неё, стала гладить, а иногда пощипывать собственный бюст, не обнажая его, оставляя сокрытым под платьем. Вмиг её алые, выразительные «змейки» губ растянулись в злорадной ухмылке, словно спешили в разные стороны друг от друга, они были сродни завлекающей в беду приманке, как мираж оазиса в пустыне перед глазами умирающего от жажды человека. Ребёнок был смущён и, кое-как зажмурившись, он отвёл лицо в сторону, спрашивая про себя: «Когда это закончится? Зачем я согласился идти сюда? Тем более ночью! Как отсюда выбраться? Что мне делать?»

Мальчишку выручил случай. Один из прохожих, который шёл мимо, это был довольно рослый воин. С плеч его ниспадал чёрный плащ, а на груди уныло поблескивала старая кираса с рельефной эмблемой чёрного цвета, точно выдавленной из поверхности нагрудника и похожей на небольшого ворона с расправленными в стороны крыльями. На поясе воина звенел длинный меч, спрятанный в кожаные ножны, бившиеся о его тёмные штаны, заправленные в походные сапоги с высоким голенищем.

Пройдя за спиной рыжеволосой девушки, воин шлёпнул её по задку, так что искусительница выпрямилась струной и, протянув «ау...», она кокетливо оглянулась через правое плечо, бросив пылкий взгляд на смелого ратника, подошедшего к её подружке. Вояка без стеснения приобнял брюнетку левой рукой, удерживая в сжатом кулаке пару бурдюков с красным вином.

— Наверху всё готово! Идемте милые! — предложил воин, стремившийся увести красавиц за собой.

— Всё-всё? — спросила заигрывающим тоном брюнетка.

— Даже больше! — протянул увлечённый ратник. — Для очаровательных дам – лучшее вино и угощение... и не только...

— Тогда не будем терять время на разговоры... — взяв посетителя за руку, рыжеволосая девица положила его ладонь себе на талию. Брюнетка, последовавшая за ними, пройдя мимо мальчишки, провела холодной ладонью по его голове, взъерошив короткие тёмно-русые пряди непослушных волос.

Уведя свою голову в сторону, Владвек, пригладив пятернёй растрёпанную причёску, обернулся назад и с недовольным видом проводил уходивших прочь взрослых. Они скрылись среди множества таких же обликов и едва были заметны вдаль, когда две девушки шли в обнимку со своим любовником.

— Ух... вовремя он подошёл! — судорожно пробубнил мальчик и, добравшись до трактирной стойки, увидев Антипа, не без радости помахал ему рукой.

— А-а-а, славный малый... дай-ка припомню твоё имя! Как там тебя звали... подожди! Подожди! Не подсказывай мне! — Пока Антип рыскал в дебрях памяти, которая была на порядок длиннее его белой бороды, задумавшийся трактирщик даже перестал на некоторое время протирать маленьким белым полотенцем большую оловянную кружку в обхвате его растопыренных и толстых пальцев, напоминавших издали зубцы граблей. — Припоминаю: твоё имя – Владвек! Верно!?

— Да, так и есть! — Ребёнок, немного озадаченный, снова посмотрел по сторонам, ему явно было не по себе в злачном месте.

— Так... а почему ты тут один!? Да ещё так поздно! А где Жанивьева? Тебе не следует тут находиться, парень... да и вообще, как ты тут оказался? — Выйдя из-за прилавка, оставив пустую кружку и перебросив белое полотенце через плечо, Антип, поглаживая свою бороду здоровенной, точно блин, ладонью, возвышался над ребёнком, продолжая твердо стоять на одной ноге. Вместо второй Антип приделал деревянную клюку, не лишённую своеобразия, которым был богат её хозяин. Трактирщик казался ребёнку великаном, хотя для других здешних посетителей Антип был не очень высок ростом.

— Вот... — Мальчик показал мирно лежавшее на его ладошке маленькое волшебное кольцо, переданное ему Всеварием Ступкиным.

— Эге... значит, ты тут не просто так, если в столь поздний час пожаловал. Ну, выкладывай! — И трактирщик, устало присев на один из круглых табуретов, подняв маленького посетителя под плечи, аккуратно усадил его на вторую табуретку, точно такую же, пустовавшую и стоявшую рядом. Затем, облокотившись локтём на высокий прилавок, Антип с хитрым прищуром своих угольков-глаз смотрел на Владвека, ожидая подробностей столь позднего визита.

— Мне нужна ваша помощь, дядя Антип...

— Какая же!? — изумившись, глаза трактирщика раскрылись чуть шире.

— Хочу встретиться с Дельцами Тринадцатой Версты... — уточнил Владвек, поправляя себя на ходу.

Левая бровь на пышном лице Антипа резво подскочила вверх, от чего глаз-уголёк стал казаться ещё больше. Озадаченный трактирщик молча смотрел на ребёнка, пытаясь сообразить, что можно натворить такого, да ещё и за два дня с небольшим, чтобы теперь искать помощи у «дельцов-гранмеров». Затем, смерив свой разыгравшийся не на шутку интерес, белобородый здоровяк озадаченно ответил:

— Слушай, парень! Ты только недавно был в Магистрате и уже нашёл себе хлопот?! Да ещё таких, где для решения нужна помощь группы норгардских проходимцев! Да любой из

них даст фору дюжине ростовщиков-обдирал, обчистив их карманы быстрее северного ветра, срывающего последнюю листву с дерева!

Ребёнок, насупившись, помалкивал.

— Ладно, не хочешь рассказывать причину – пускай будет тайной. Но опыт прожитых лет подсказывает мне: встреча, о которой ты просишь, нужна кому-то другому... — Хитро улыбувшись, трактирщик стал походить внешним видом на довольного кота, увидевшего в руках человека лакомство и добывшего вкуснятину грациозной ловкостью. — Дело, стало быть, важное... — Выдержав короткую паузу, Антип бегло постучал костяшками пальцев по деревянной столешнице, а после, хлётко ударив по ней размашистой ладонью, уверенно кивнул Владвеку: — Хорошо! Будет тебе встреча с зазывалой. Когда её назначить?

— Лучше всего завтра в обед...

— Ладно! — Нахмурившись, Антип снова провёл по своей бороде ладошкой. Устремив внимательный взгляд на мальчишку, он решил его предупредить: — Жители подземелий Гиблогорья – опасный и хитрый народец... В коварстве с ними сравнятся только колдуны из Тёмного Лабиринта. И те и другие непредсказуемые. Разве что ройнаройцы жадные до слепого безрассудства, поэтому ничто не увлекает их с такой силой и жаждой, как охота за колдовскими сокровищами. А виной всему их магическая слепота: они могут учуять волшебный предмет за десятки вёрст, но разглядеть его даже вплотную им не под силу! Так они будут кружить рядом, как хищные звери, до той поры, пока на артефакт не укажет чужая рука, раскрыв его нахождение гранмеру, после чего алчное сердце подземного жителя выгоды не упустит... Временами пройдохи Гиблогорья просят за свои услуги такое, чего ожидаешь меньше всего! Риск предстоящей встречи – дело нешуточное, я тебя предупреждаю: держи с ними ухо остро, Владвек! Самое главное – не давай им вперёд задаток! А то прокутят его и дело не сделают! Держи расчёт при себе до последнего! Завтра до обеда всё будет сделано... — Решив уточнить последние детали, трактирщик поинтересовался: — Ты, значит, наведаешься так же ночью?

— Да, дядя Антип, но думаю на пару часов раньше – хочется избежать столь громкого веселья, — смущённо высказался маленький гость.

— Дельная мысль! А то не для детей такие зрелища... Пойдём! Я провожу тебя до двери... — Здоровяк поднял мальчишку со стула, поставив его на ноги, а после, тяжело вздохнув, бормоча сквозь заросли усов: — Старость – не в радость! — оставил своё место и, выпрямившись в полный рост, направился вперёд.

Малорн едва поспевал за Антипом. Трактирщик был точно гора, которая, отрастив здоровенные ноги, уверенно двигалась вперёд, минуя расступающихся в разные стороны посетителей.

— Вот! Я отсюда вышел! — произнес Владвек, указывая на дверь подвала пальцем.

Антип лишь крикнул и с весёлой ухмылкой, отворяя дверь ребёнку, звучно добавил:

— Лети, совёнок! До завтра...

Кивнув ему в ответ, мальчик начал спускаться по лестнице, но, вспомнив, что не поблагодарил трактирщика, быстро обернулся и, окликнув «великана», добродушно вымолвил:

— Спасибо вам, дядя Антип!

— Хе-хе... ещё не за что, совёнок! Спасибо не булькает! — После сказанных слов здоровяк весело засмеялся и, проводив мальчишку мягким взглядом, затворил за ним дверь.

Оказавшись в крошечной темноте, Владвек надел волшебное кольцо на палец своей руки и не заметил, как вернулся обратно в школу магии. Неспешно отворив дверь, ведущую из ванной, он предусмотрительно снял кольцо заранее и нёс его в сжатом кулаке. Было ощущение, что запах трактира пропитал его одежду. Невольно поморщившись, Малорн мысленно прикинул: даже побывав в трактире меньше получаса, он пропах мерзкой вонью, от какой, казалось, не отмоешься вовек!

За время отсутствия Владвека лежавший на кровати Севарий ворочался из стороны в сторону, стараясь не дать себе уснуть. Тревожные мысли, взявшие над ним верх, роились в его сознании, как множество надоедливых болотных насекомых. Отгонять их становилось всё труднее, и Ступкин молча мирился с возросшим переживанием, терпеливо ожидая возвращения друга. Лишь с появлением Владвека ученик алхимика немного успокоился и сразу поинтересовался у ночного путешественника, как всё прошло.

— Могло быть хуже... — иронизировал вернувшийся из трактира друг. — Но по ночам в подобные злачные места лучше не захаживать...

— Антип договорится о нашем деле? — осторожно продолжал расспрашивать Севарий, поднявшись со своей кровати, он подошёл к Владвеку и забрал у него волшебное кольцо перемещения.

— Да, завтра до обеда будет назначено точное место встречи. Мне нужно будет заранее навестить Антипа.

Молча кивнув в ответ, Ступкин подошёл к своей постели, решив перепрятать понадежнее обе драгоценности. Найдя для них подходящее место, сделав всё тихо и незаметно для чужих ушей и глаз, ученик алхимика в скором времени спокойно улёгся на свою постель. Теперь оба друга, разлёгшись на кроватях, к общей радости смогли забыться сном: узы дремоты крепко окутали их своими путами, увлекая в мир, лишённый беспокойств и переживаний.